В. Е. ЯКУШКИНЪ.

ГЕНІЙ

РУССКАГО ВОЕННАГО ИСКУССТВА

А. В. СУВОРОВЪ.

Москва. 1915 г.

В. Е. ЯКУШКИНЪ.

ГЕНІЙ

РУССКАГО ВОЕННАГО ИСКУССТВА

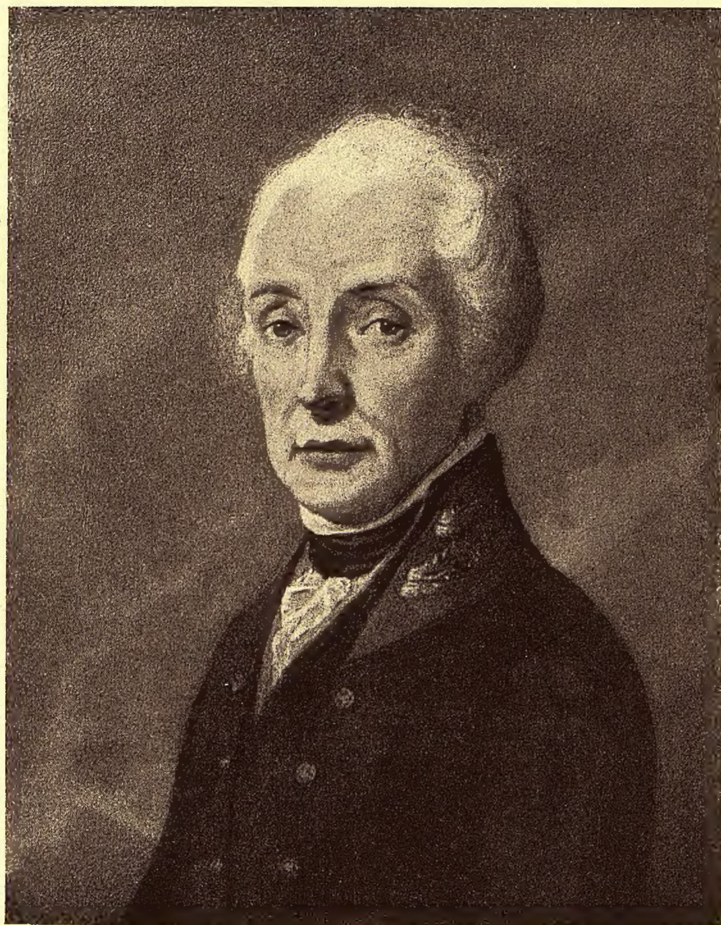
А. В. СУВОРОВЪ.

Посмертное изданіе, подъ наблюденіемъ
К. В. СИВКОВА.

Москва. 1915 г.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., соб. домъ.
1915.

Графъ Александръ Васильевичъ
Суворовъ-Рымникскій.
1729—1800.
(Порт. Крейцингера 1799 г.. Изъ изданія В. Кн. Ник. Мих.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Великія историческія событія, переживаемыя въ настоящее время Россіей, невольно направляють взоръ въ наше прошлое, побуждая искать тамъ уроковъ для настоящаго и будущаго, а также подкрѣпленія въ томъ подъемѣ многообразныхъ чувствъ, которыя переживаетъ въ настоящее время Россія. Одной изъ такихъ наиболѣе поучительныхъ и бодрящихъ для настоящаго момента страницъ нашего прошлаго безспорно являются жизнь и дѣятельность А. В. Суворова, этого истиннаго генія-самородка русскаго военнаго искусства. Въ виду этого казалось полезнымъ выпустить въ настоящій моментъ отдѣльнымъ изданіемъ статьи покойнаго В. Е. Якушкина, напечатанныя имъ 15 лѣтъ тому назадъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (см. «Р. В.» за 1900 г., №№ 98, 109, 122, 125, 134, 166 и 174), ко дню столѣтняго юбилея со дня смерти Суворова. Съ мо-
та напечатанія этихъ статей не появилось такихъ новыхъ
теріаловъ или изслѣдованій о Суворовѣ, которыя бы
мѣнили точку зрѣнія на великаго полководца или разъ-
или нѣкоторые спорные моменты его біографіи, а потому
бота В. Е. Якушкина не можетъ считаться устарѣвшей.
тавляя въ неприкосновенности текстъ покойнаго исто-
ка, мы позволили только себѣ сдѣлать въ нѣкоторыхъ
стахъ дополнительныя примѣчанія преимущественно
бліографическаго характера; пользуясь ими, читатель
жетъ дополнить тотъ образъ Суворова, который онъ
йдетъ въ очеркѣ В. Е. Якушкина.

К. Сивковъ.

Суворовъ—самый знаменитый изъ военныхъ дѣятелей Россіи, стоящій въ первомъ ряду наиболѣе славныхъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ; Суворовъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ нашей новой исторіи. По самому характеру дѣятельности полководца, его подвиги доставляютъ ему извѣстность, славу при его жизни, непосредственно послѣ того, какъ онъ одержалъ свои побѣды. Такъ было и съ Суворовымъ, который, послѣ того какъ выступилъ на театръ европейской войны, достигъ необычайной популярности и славы. Вся Европа была полна разсказами объ его побѣдахъ, о военныхъ чудесахъ, имъ совершенныхъ. Въ то время, болѣе ста лѣтъ назадъ, Суворовъ былъ самымъ извѣстнымъ въ Европѣ человѣкомъ, его имя повторялось повсемѣстно или съ восторгами, или съ ненавистью и ужасомъ. Европа воевала тогда съ Французской республикой, и въ этой борьбѣ, длившейся такъ долго и въ столь различныхъ комбинаціяхъ, союзники одержали верхъ надъ французами лишь предводительствуемые Суворовымъ. Какъ только послѣдній явился въ Италію, онъ нанесъ рѣшительныя пораженія лучшимъ французскимъ генераламъ, испытаннымъ, дотолѣ непобѣдимымъ французскимъ войскамъ. Про Суворова во время итальянскаго похода 1799 года по справедливости можно сказать: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ», и немудрено, что онъ возбудилъ тѣмъ озлобленіе, ненависть среди французовъ,

удивленіе, восторгъ, поклоненіе, переходившее иногда въ обожаніе, среди другихъ народовъ. Слава побѣдъ Суворова наполняла всю Европу. Когда генералиссимусъ, послѣ знаменитаго швейцарскаго похода, расположился на зимнихъ квартирахъ, къ нему стекались со всѣхъ сторонъ представители различныхъ національностей, различныхъ слоевъ, чтобы познакомиться лично съ героемъ, чтобы только видѣть его. Онъ отовсюду получалъ выраженіе удивленія, благодарности, преданности. Коронованныя особы, наперерывъ другъ передъ другомъ, оказывали ему вниманіе въ томъ или въ другомъ видѣ, осыпали его наградами, и въ то же самое время восторгъ передъ Суворовымъ распространялся въ широкихъ народныхъ кругахъ. Нашъ посолъ въ Лондонѣ гр. С. Р. Воронцовъ писалъ своему брату еще осенью 1799 г. про Суворова: «Какое счастіе для Европы, какая слава для Россіи, что къ командованію былъ призванъ этотъ великій человѣкъ! Вы не можете себѣ представить, какъ имъ восторгаются здѣсь. Онъ сталъ идоломъ націи, наравнѣ съ Нельсономъ; ихъ здоровіе пьютъ ежедневно и во дворцахъ, и въ трактирахъ, и въ хижинахъ» [1]). И Англія въ данномъ случаѣ не составляла исключенія; популярность Суворова была велика также и въ другихъ странахъ. Около его имени, около его подвиговъ и тогда уже начали складываться на Западѣ народныя легенды, которыя дошли и до нашихъ дней.

Но если Суворовъ въ нѣсколько мѣсяцевъ достигъ высочайшей популярности въ Европѣ, то родина знала и почитала его давно. Въ предшествовавшей военной дѣятельности Суворова, до 1799 г., было много подвиговъ, которые не только дали имени его общеизвѣстность, но которые его

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. X, стр. 57.

самого сдѣлали популярнѣйшимъ вождемъ, популярнѣйшимъ человѣкомъ. Въ Европу явился больной старикъ и удивилъ міръ своими побѣдами. Но его побѣдоносная дѣятельность въ теченіе уже нѣсколькихъ десятилѣтій приковывала къ себѣ вниманіе и удивленіе соотечественниковъ. Суворовъ сдѣлался обожаемымъ героемъ не только войска, но и всего народа. Особенности его личности, которыя приводили его къ такому тѣсному сближенію съ солдатомъ, не могли не содѣйствовать также и тому, чтобы привязать къ нему тѣснѣйшимъ образомъ и народныя симпатіи. Суворовъ сдѣлался дѣйствительно народнымъ военнымъ героемъ, достояніемъ, такъ сказать, всего народа, существенною частью въ народномъ самосознаніи. Народъ зналъ и, можно сказать, обожалъ его при жизни; послѣ кончины генералиссимуса онъ сохранилъ его память въ своихъ преданіяхъ и пѣсняхъ.

До нашего времени дошли народные устные разсказы о Суворовѣ; они сохранились и среди солдатъ, и просто въ народной средѣ. Преданіе, напримѣръ, окружаетъ таинственностью самое рожденіе необыкновеннаго ребенка: оно было ознаменовано особыми явленіями на небѣ, а забредшій въ это время къ его родителямъ юродивый предрекъ будущіе подвиги и славу новорожденному. По разсказамъ народа, Суворовъ всегда пользовался на войнѣ особою помощью свыше. Самъ онъ вступалъ въ бой, совершивъ долгія и усердныя моленія; онъ могъ слышать, какъ наверху поется небесная обѣдня; онъ шелъ въ бой только тогда, когда она отойдетъ. Въ битвахъ на помощь къ Суворову являлись ангелы, принимавшіе видъ какихъ-то неизвѣстныхъ мужей. Суворова (онъ былъ, какъ извѣстно, весь израненъ) не брали ни пуля, ни булатъ. Суворовъ не умеръ,—онъ заключенъ въ каменной глыбѣ, откуда онъ

опять явится, когда настанетъ опасность для отечества. Суворовъ видѣлъ человѣка насквозь, сразу видѣлъ виноватаго и труса, обладалъ особымъ магнитнымъ взглядомъ и пр.[1]). Народная фантазія окружила своего героя тѣми легендами, снабдила его тѣми свойствами, какія вообще сосредоточиваются около всякаго популярнаго имени, удостоившагося народной любви и народной памяти.

Имя и подвиги Суворова сохранились также въ пѣсняхъ, народныхъ и солдатскихъ. Надо замѣтить, что пѣсня сберегла болѣе живыя черты исторической личности, нежели легенда. Приведу нѣсколько отрывковъ, которые покажутъ, въ какомъ видѣ Суворовъ изображается въ народной поэзіи.

Въ одной изъ пѣсенъ мы встрѣчаемъ такое обращеніе къ Суворову:

Здравствуй, здравствуй, гр. Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
Ты военностей не тужишь,
Радъ хоть въ воду и огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь!

Другая пѣсня описываетъ кинбурснкое сраженіе:

Тутъ Суворовъ выступаетъ,
Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіи самъ сталъ.
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
«Ступай наши на штыкахъ»...

Взятіе Измаила описано такъ:

Какъ нашъ батюшка Суворовъ-князь
Съ малой силой соколовъ своихъ

---

[1]) «Народныя преданія о Суворовѣ», статья А. В. Елисѣева, *Древняя и Новая Россія*, 1879, № 8, стр. 334—344.

Разбивалъ полки тьму-численны,
Полонилъ пашей и визирей,
Бралъ Измаилъ, крѣпость сильную,
Крѣпость сильную завѣтную.

Пѣсня дѣлаетъ сравненіе между Суворовымъ и другими знаменитыми генералами, ему современными.

Князь Румянцевъ генералъ
Много силы потерялъ.
Воръ Потемкинъ генералъ
Въ своемъ полку не бывалъ,
Всее силу растерялъ:
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ.
А Суворовъ генералъ
Свою силу утверждалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля въ полонъ бралъ.

Отношеніе солдатъ къ Суворову видно изъ словъ пѣсни:

Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ [1]).

Обратимся отъ преданій и пѣсенъ къ исторіи.

Выше только-что было сказано о той славѣ, которая окружала Суворова при жизни,—пѣсня и легенда явились своеобразными выразительницами этой славы. Но какова была посмертная судьба Суворова? Надо сказать, что въ теченіе долгаго времени положеніе Суворова въ исторіографіи было нѣсколько двойственное и въ общемъ далеко не соотвѣтствовало его дѣйствительному значенію. О Суворовѣ и объ его тактикѣ писали военные историки, слишкомъ связанные установившимися теоретическими понятіями,—они не были въ состояніи оцѣнить по достоинству самостоятельность и силу суворовскихъ положеній; кромѣ того, большая часть западныхъ историковъ Суворова были или французы, или австрійцы, т.-е. люди, въ значительной

[1]) Ср. статью Д. Л. Мордовцева «Суворовъ въ народной поэзіи», *Древняя и Новая Россія*, 1876 г., № 2-й. [См. также «Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ», т. IX. *Примѣч. К С.*].

степени ослѣпленные національнымъ пристрастіемъ, вносившіе въ дѣло сильныя предубѣжденія. Въ силу этихъ двухъ причинъ иностранная исторіографія долго была, да отчасти и теперь остается довольно враждебною Суворову. Что касается до русской литературы о Суворовѣ, то она вначалѣ не могла противостать иностраннымъ нападкамъ съ настоящими средствами и съ должнымъ успѣхомъ. Вмѣсто изслѣдованія и безпристрастной оцѣнки русскіе историки Суворова давали панегирики и собраніе не провѣренныхъ и часто невѣроятныхъ анекдотовъ. Такъ дѣло шло долго; только уже въ теченіе втораго пятидесятилѣтія съ кончины Суворова изученіе его біографіи и всей его дѣятельности въ связи съ общими условіями времени и съ общими историческими событіями становится на правильную почву. Жизнь и дѣятельность Суворова подвергнута серьезному научному изученію, для чего привлеченъ обширный документальный матеріалъ и провѣренъ научною критикой. Не вхожу въ подробности и назову только знаменитую монографію «Исторія войны 1799 года» гр. Д. А. Милютина[1])

[1]) «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей» вышла первымъ изданіемъ въ 1852—53 гг., въ пяти томахъ; начало ея было написано генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, за смертью котораго работа перешла къ полковнику Д. А. Милютину. Въ 1857 г. вышло второе изданіе, дополненное и переработанное, при чемъ все начало было заново написано самимъ Д. А. Милютинымъ. Изслѣдованіе это, замѣчательное какъ по таланту изложенія, такъ по богатству новаго матеріала и по строгой научности, отражающейся даже на мелочахъ, представляетъ поворотный пунктъ въ суворовской исторіографіи. Оно было высоко оцѣнено критикой при самомъ своемъ появленіи. Когда вышли послѣдніе томы перваго изданія, Грановскій въ своей рецензіи призналъ, что изслѣдованіе полковника Милютина— «новый, оригинальный, первоклассный историческій трудъ», которому должно принадлежать «весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ». Почти пятьдесятъ лѣтъ прошло съ появленія «Исторіи войны 1799 года», и она до сихъ поръ не устарѣла и вполнѣ сохранила свое выдающееся значеніе. Надо прибавить, что авторъ, спеціально изслѣдуя походы одного года, даетъ краткую, но мастерски составленную біографію Суворова.

и обширное изслѣдованіе г. А. Петрушевскаго «Генералиссимусъ Суворовъ»[1]. Какъ въ названныхъ трудахъ,—въ особенности у гр. Милютина,—такъ и въ другихъ сочиненіяхъ о Суворовѣ помѣщено очень много подлинныхъ документовъ. Кромѣ того, очень много матеріала напечатано въ различныхъ историческихъ журналахъ и сборникахъ, въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, *Русскомъ Архивѣ*, *Русской Старинѣ*, въ Архивѣ кн. Воронцова, въ Сборникѣ русскаго историческаго Общества и пр. Еще и въ прежніе годы печаталось и по журналамъ, и отдѣльно много писемъ Суворова, разсказовъ о немъ современниковъ и т. п. Такимъ образомъ теперь мы можемъ располагать обширнымъ печатнымъ матеріаломъ, который большею частью уже подвергнутъ достаточному критическому изученію. Такое положеніе суворовской литературы даетъ возможность въ довольно сжатомъ очеркѣ напомнить читателямъ характерныя черты въ жизни и въ личности великаго полководца.

Если безпристрастное и научно поставленное изученіе походовъ Суворова, произведенное спеціалистами съ точки зрѣнія военной теоріи и военной техники, привело къ под-

---

[1]) «Генералиссимусъ Суворовъ» вышелъ впервые въ 1884 г. въ трехъ томахъ. Въ текущемъ году (т. е. въ 1900) авторъ выпустилъ новое изданіе въ переработанномъ видѣ, въ одномъ очень большомъ томѣ, сокративъ весь критическій аппаратъ, опустивъ многія подробности, но вмѣстѣ и дополнивъ книгу новыми данными, которыя сдѣлались извѣстными за послѣдніе годы. Въ январской и февральской книжкахъ *Вѣстника Европы* нынѣшняго года г. А. Петрушевскій помѣстилъ сокращенный, но очень живо изложенный очеркъ жизни Суворова. Трудъ г. Петрушевскаго является наиболѣе полной біографіей Суворова и самымъ крупнымъ произведеніемъ въ суворовской литературѣ послѣднихъ лѣтъ.—[Нѣкоторыя новыя данныя были опубликованы, кромѣ того, въ 1900 г. въ «Р. Архивѣ», «Р. Старинѣ» и др. журналахъ. См. также библіографическій указатель, данный г. П. Симанскимъ въ журналѣ «Русскій Библіофилъ» за 1912 годъ, №№ 5 и 6 и въ приложеніи], а потомъ отдѣльно, Спб., 1913 г.. *(Примѣчаніе. К. С.)*.

твержденію той высокой оцѣнки, какую давали Суворову его соверменники, и признало въ немъ одного изъ геніальнѣйшихъ полководцевъ, то опубликованные матеріалы освѣщаютъ намъ самую личность генералиссимуса, объясняютъ и то, какой трудъ, сколько знанія лежали въ основѣ побѣдъ Суворова, и то, какое вліяніе на его судьбу и на его дѣятельность имѣли условія времени, какъ онъ самъ относился къ этимъ условіямъ. Въ прежнее время Суворовъ, легендарный и анекдотическій, представлялся побѣдоноснымъ вождемъ, успѣхи котораго зависѣли не только отъ умѣнья, но и отъ счастья, и личность его освѣщалась разсказами объ его чудачествахъ. Теперь мы знаемъ совершенно иного Суворова: это—не только полководецъ, весь отдавшійся дѣлу войны, это—человѣкъ очень образованный и гуманно настроенный, политическій дѣятель съ широкими взглядами, твердаго характера, высокаго нравственнаго склада. Строгая исторія сохранила почти всѣ черты прежняго непобѣдимаго полководца, но вмѣстѣ съ тѣмъ показала, что и независимо отъ полей битвы Суворовъ является одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей въ XVIII вѣкѣ, который такъ богатъ замѣчательными дѣятелями, является человѣкомъ, который опередилъ не только военныхъ теоретиковъ, но также и общій умственный и нравственный уровень того времени. Легендарный герой обратился для насъ въ человѣка, и личность его отъ этого не только не проиграла, но даже выиграла.

I.

Александръ Васильевичъ Суворовъ принадлежалъ къ старому дворянскому роду. О происхожденіи этого рода до насъ дошли два преданія. Родственники Суворова въ концѣ XVIII вѣка считали, что ихъ предокъ выѣхалъ изъ

Швеціи въ XIV столѣтіи, а самъ Суворовъ полагалъ, что предокъ его явился въ Россію лишь въ 1622 году. Въ печати не имѣется данныхъ, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ [1]).

Суворовъ родился въ ноябрѣ 1730 г., какъ свидѣтельствуетъ его формулярный списокъ и собственноручная его замѣтка. Мѣсто его рожденія неизвѣстно: по однимъ указаніямъ онъ родился въ Москвѣ, по другимъ—въ Финляндіи. Подлинныхъ документовъ объ его рожденіи до сихъ

---

[1]) Въ запискѣ, которую представилъ Суворовъ въ московское дворянское депутатское собраніе въ 1786 г. (напечат. въ *Чтеніяхъ* 1847 г., кн. 9-я, а въ 1848 г. вышла отдѣльнымъ оттискомъ), очень опредѣленно сказано: «Въ 1622 году, при жизни царя Михаила Ѳеодоровича, выѣхали изъ Швеціи Ноумъ и Суваръ, и по ихъ челобитью приняты въ россійское подданство». Около того же времени въ тверское депутатское собраніе подалъ записку о своемъ происхожденіи одинъ изъ родственниковъ Суворова: ссылаясь на родословную, составленную въ 1701 г., онъ объяснилъ, что его предокъ пріѣхалъ въ Россію при Симеонѣ Гордомъ. Г. Петрушевскій отдаетъ безусловное преимущество этому послѣднему показанію, но доводы его вовсе не представляются убѣдительными. Напротивъ, свидѣтельство самого Суворова должно бы быть, кажется, предпочтено, такъ какъ при обычномъ стремленіи отодвигать происхожденіе рода вглубь вѣковъ нельзя давать большой цѣны родословной росписи, составленной въ XVIII в. и ведущей родъ до четырнадцатаго столѣтія. Наврядъ ли Суворовъ могъ не знать объ этой родословной, и у него были, значитъ, основанія, по которымъ онъ вопреки ей пріѣздъ своего предка въ Россію относилъ къ XVII вѣку. У Пушкина (Соч., издан. Литературнаго фонда, IV, стр. 357, «Отрывки изъ романа въ письмахъ») находимъ такое свидѣтельство: «Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ». Трудно сказать, разумѣется ли здѣсь вышеупомянутая записка Суворова или какая-нибудь другая родословная. Во всякомъ случаѣ Суворовъ интересовался исторіей своего рода, и надо имѣть достаточныя основанія, чтобы отвергать его свидѣтельство по этому вопросу. Замѣчу еще кстати, что когда въ 1790 г. въ *Гёттингенской Газетѣ* появилось указаніе, будто Суворовъ происходитъ отъ нѣмецкаго мясника, Екатерина писала Циммерману: «Не подлежитъ сомнѣнію, что фамилія Суворовыхъ давнымъ-давно дворянская, споконъ вѣка русская и живетъ въ Россіи» *(Русская Старина* 1887 г., авг., стр. 312). —[Съ исправленіями и дополненіями автобіографія Суворова напечатана въ № 5 «Р. Архива» за 1900 г. *(Примѣч. К. С.)*.]

поръ не открыто. Дѣдъ Суворова Иванъ Григорьевичъ служилъ генеральнымъ писаремъ въ Преображенскомъ полку [1]) и пользовался расположеніемъ Петра Великаго, который крестилъ у него сына Василія, родившагося въ 1705 году. Иванъ Григорьевичъ скончался въ 1715 г., а сынъ его продолжалъ пользоваться милостями царя, который взялъ своего крестника къ себѣ денщикомъ и переводчикомъ. Послѣ смерти Петра Суворовъ былъ произведенъ въ офицеры и затѣмъ, усердный къ службѣ и исполнительный, онъ подвигался довольно успѣшно по службѣ; особенно онъ выдвинулся при дочери Петра. Во время Семилѣтней войны Василій Суворовъ былъ генералъ-губернаторомъ королевства Прусскаго, занятаго нашими войсками, и, какъ видно изъ записокъ Болотова, пользовался уваженіемъ. Сынъ его свидѣтельствуетъ, что Василій Ивановичъ «употребляемъ былъ въ разныхъ важныхъ препоручностяхъ». Скончался онъ генералъ-аншефомъ, сенаторомъ, кавалеромъ андреевскаго ордена. Въ перепискѣ Екатерины II находимъ такое воспоминаніе о Суворовѣ-отцѣ: «Это былъ человѣкъ неподкупной честности, весьма образованный; онъ понималъ или могъ говорить на семи или восьми мертвыхъ и живыхъ языкахъ. Я питала къ нему огромное довѣріе и никогда не произносила его имя безъ особаго уваженія» *(Русская Старина*, 1887, авг., 313).

Итакъ, отецъ Суворова былъ птенцомъ изъ гнѣзда Петрова, человѣкъ образованный и дѣловой. Переводчикъ при царѣ, хорошо знавшій иностранные языки, онъ далъ своему единственному сыну Александру сравнительно хо-

---

[1]) См. Петрушевскій, стр. 1. Неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ П. И. Бартеневъ *(Русскій Архивъ*, 1886 г., стр. 929—933) утверждаетъ, что дѣдъ Суворова Иванъ Ивановичъ былъ будто бы протоіереемъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, хотя и происходилъ изъ дворянской семьи.

рошее образованіе, далъ ему знаніе съ дѣтства нѣсколькихъ языковъ. Василій Ивановичъ имѣлъ порядочный достатокъ, но былъ очень скупъ и старался всячески сократить также и расходы на обученіе сына. Но такъ какъ онъ самъ былъ образованный человѣкъ, имѣлъ въ домѣ книги, то и мальчикъ получилъ образованіе гораздо лучшее сравнительно съ обычнымъ образованіемъ дворянскихъ дѣтей въ то время даже въ семьяхъ болѣе зажиточныхъ. Знаніе языковъ и книги открыли Суворову-мальчику прекрасные способы для самообразованія. Онъ съ дѣтства пристрастился къ чтенію и много читалъ, убѣгалъ отъ своихъ сверстниковъ, отказывался отъ игръ для того, чтобы въ своей комнатѣ засѣсть за книги, и это несмотря на живой, подвижной характеръ отъ природы. Собственно обученіе Суворова шло безъ системы, безъ установленнаго порядка; онъ занимался, чѣмъ и какъ хотѣлъ. Одно время, уже будучи въ полку, онъ посѣщалъ классы въ кадетскомъ корпусѣ, но даже и въ то время главнымъ источникомъ его знаній была книга. Гр. С. Р. Воронцовъ вспоминалъ: «Отецъ Суворова былъ страшно скупъ и давалъ очень мало денегъ сыну, который все употреблялъ на книги; и какихъ книгъ не могъ купить, старался достать, и все свободное время употреблялъ на чтеніе» [1]).

Любимымъ чтеніемъ мальчика были книги историческія и путешествія. Особенно его заинтересовали разсказы о военныхъ событіяхъ, и онъ въ очень еще юныхъ годахъ сдѣлался знатокомъ біографій великихъ полководцевъ— Александра, Цезаря, Ганнибала, Карла XII, Конде, Тюренння, принца Евгенія, маршала Саксонскаго и др. Суворовъ занимался географіей по Гюбнеру и Роллену, фило-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XVII, стр. 199; письмо гр. С. Р. Воронцова къ сыну 1805 г.

софіей—по Вольфу и Лейбницу. Отецъ самъ проходилъ съ нимъ военныя науки, артиллерію и фортификацію.

Какъ уже сказано, Суворовъ мальчикомъ ознакомился съ нѣсколькими иностранными языками. У него была особенная способность къ усвоенію языковъ, и онъ позднѣе, по мѣрѣ практической надобности, изучилъ еще другіе языки. Въ упомянутой выше его автобіографической запискѣ 1786 г. Суворовъ такъ говоритъ вообще о своихъ познаніяхъ: «Что касается до моихъ наукъ, они состоятъ въ математикѣ, части философіи, географіи, исторіи, языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, италіанскомъ, польскомъ, турецкомъ съ малою частію арабскаго и персидскаго и финскомъ».

Суворовъ на всю жизнь сохранилъ любовь къ чтенію, читалъ постоянно и много, читалъ разнообразныя книги, но главнымъ образомъ военнаго, историческаго, политическаго содержанія. Въ 1790 г., во время второй турецкой войны, когда по медлительности и нерѣшительности Потемкина долго не было военныхъ дѣйствій, Суворовъ тяготился этимъ и все свое время употреблялъ на изученіе арабскаго языка и корана. Кромѣ того, онъ очень много читалъ и почти замучилъ нѣмецкаго студента Филиппа Ивановича, который жилъ при немъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ чтеца. Насколько обширно бывало чтеніе Суворова, видно по количеству газетъ и журналовъ, которые онъ выписывалъ. Въ концѣ 1791 г. Суворовъ писалъ Сакену о подпискѣ на періодическія изданія на будущій годъ: «Я держалъ газеты нѣмецкія гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эрлангеръ, французскія: *Бореннъ*, *Курье де Ландръ*, варшавскія, польскія, санктпетербургскія, или московскія, русскія, французскій малый журналъ *Анциклопедикъ Дебуліонъ*, нѣмецкій *гамбургскій политическій журналъ*». Но Суворову и этого было мало;

онъ заканчиваетъ свой перечень просьбой: «Не изволите ли вы прибавить *Нувель Экстраординеръ?*» [1]). Во время своего подневольнаго пребыванія въ Кончанскомъ въ 1797 г. Суворовъ опять-таки много и постоянно читалъ: у него тамъ была библіотека, да онъ, кромѣ того, выписывалъ себѣ книги и періодическія изданія.

Итакъ, первый выводъ, который мы должны сдѣлать относительно Суворова, эта—что онъ былъ человѣкъ съ широкимъ, европейскимъ образованіемъ, съ необычайной начитанностью, и въ этомъ отношеніи немного было среди его современниковъ людей, которые бы превосходили его или даже хоть бы равнялись съ нимъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить также, что Суворовъ не только цѣнилъ литературу, поэзію, но что онъ самъ занимался литературнымъ писаніемъ, участвовалъ въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, писалъ, иногда стихи по разному поводу: то эпиграмму на соперника, то посланіе къ привѣтствовавшему его поэту и т. п. Безъ сомнѣнія литературные опыты Суворова лишены всякаго достоинства, но все-таки эти занятія авторствомъ представляются характерными для Суворова [2]).

Французскій эмигрантъ маркизъ Марсильякъ, знавшій Суворова, оставилъ намъ такой отзывъ объ его знаніяхъ: «Суворовъ обладалъ глубокими свѣдѣніями въ наукахъ и литературѣ. Онъ любилъ выказать свою начитанность, но только передъ тѣми, коихъ считалъ способными оцѣнить его свѣдѣнія. Онъ отличался точнымъ знаніемъ всѣхъ европейскихъ крѣпостей, во всѣхъ подробностяхъ ихъ сооруженій, а равно всѣхъ позицій и мѣстностей, въ коихъ происходили знаменитыя сраженія». («Р. Ст.» 1879 г. № 6, стр. 339).

---

[1]) *Русская Старина* 1872 г., октябрь, письма Суворова къ роднымъ.—[См. также объ этомъ въ книжкѣ Рыбкина «Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ помѣстьяхъ». М. 1874 г. (*Примѣч. К. С.*)]

[2]) См. напр. стихотвор. отъ 21 дек. 1794 г. «Р. Ст.» 1890 г., № 4, стр. 135—6. (*Примѣч. К. С.*).

Въ чтенiи Суворова очень рано сказалась вполнѣ опредѣленная склонность къ военной исторiи, къ военному дѣлу. Отецъ вовсе не хотѣлъ помѣщать его въ полкъ, готовилъ его для статской службы: однако опредѣленно сложившiеся стремленiя и вкусы мальчика убѣдили, наконецъ, отца уступить желанiю сына, и Суворовъ былъ сначала только записанъ въ Семеновскiй полкъ рядовымъ, а затѣмъ на 15-мъ году явился въ полкъ и сдѣлался настоящимъ солдатомъ. Мальчикомъ выступилъ онъ на военное поприще, которое такъ манило его и такъ его прославило, и принесъ на это поприще прiобрѣтенныя познанiя, которыя онъ и продолжалъ постоянно пополнять. Знанiя эти легли въ основу всей служебной работы Суворова, въ основу созданной имъ тактики, всей его дѣятельности, какъ полководца.

II.

Суворовъ былъ мальчикомъ слабаго здоровья, небольшого роста, незначительной физической силы, некрасивый съ лица. Въ виду всего этого отецъ его, который самъ при военномъ чинѣ употреблялся больше по дѣламъ гражданскаго управленiя, рѣшилъ сына своего пустить прямо по гражданской части. Но въ противность такому, благоразумному, повидимому, рѣшенiю родителя, мальчикъ съ самаго юнаго возраста сталъ выказывать особенный вкусъ ко всему военному, въ своемъ историческомъ чтенiи онъ страстно увлекался жизнью и подвигами знаменитыхъ полководцевъ, описанiемъ битвъ. Это чтенiе, очевидно, потому привлекало мальчика, что соотвѣтствовало развитiю основныхъ чертъ его личности—смѣлости, твердости, настойчивости, рѣшительности, находчивости. Надо прибавить, что при живости своего характера маленькiй Суворовъ

очень рано проявилъ значительную выносливость относительно физическаго утомленія, несмотря на слабость здоровья: онъ много ѣздилъ верхомъ, не боялся дурной погоды, простуды. Такимъ образомъ, внутреннее стремленіе, владѣвшее мальчикомъ, оказалось сильнѣе и внѣшнихъ условій, и поставленнаго рѣшенія отца. Послѣдній, впрочемъ, какъ говоритъ преданіе, не сразу сдался на желаніе сына, и лишь настояніе стараго его сослуживца, генерала Абрама Ганнибала (прославленнаго Пушкинымъ «арапа Петра Великаго»), убѣдившагося въ дарованіяхъ и склонностяхъ мальчика, заставило Василія Ивановича отказаться отъ своего рѣшенія. Въ 1742 г. онъ записалъ двѣнадцатилѣтняго сына рядовымъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Извѣстно, что при обязательной службѣ дворянъ таковъ былъ обычай: записывали въ полки малолѣтковъ, и мальчикъ считался проходившимъ службу, получалъ послѣдовательно чины, находясь дома для ученія. Суворовъ еще поздно сравнительно былъ записанъ рядовымъ и здѣсь онъ не воспользовался обычными льготами. Вообще надо замѣтить, что вся служба Суворова, какъ увидимъ, проходила внѣ какихъ-либо льготъ, внѣ особыхъ милостей со стороны какихъ-либо покровителей и пр. У насъ нѣтъ никакихъ объясненій того факта, что Василій Ивановичъ Суворовъ, человѣкъ заслуженный, съ большими связями и авторитетомъ, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы облегчить сыну прохожденіе службы въ нижнихъ чинахъ, доставить скорѣйшее производство въ офицеры и пр. Но фактъ этотъ остается фактомъ, стоящимъ къ тому же въ полномъ противорѣчіи съ обычными явленіями вѣка фаворитизма и ласкательства. Насколько извѣстно, Василій Ивановичъ одинъ разъ только просилъ за сына, именно въ 1759 г., чтобы добиться отправленія его на войну. Зная характеръ сына впослѣдствіи,

мы можемъ догадываться, что и отецъ Суворова былъ чуждъ всякаго искательства и не хотѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ въ пользу сына. Какъ бы то ни было, Суворовъ съ юныхъ лѣтъ проходилъ дѣйствительную и долгую службу въ нижнихъ чинахъ, и это имѣло важное вліяніе на его послѣдующую дѣятельность, на его судьбу.

Суворовъ явился въ полкъ на дѣйствительную службу въ 1745 году, на пятнадцатомъ году возраста. Онъ серьезно отнесся къ дѣлу, за которое принимался не какъ за скучную, неизбѣжную лямку, которую надо тянуть по волѣ судьбы, а какъ за излюбленную, имъ самимъ выбранную работу, существенно важную для него. Пятнадцатилѣтній мушкетеръ выказалъ необычайную выдержку и серьезное направленіе. Онъ не только безропотно, но съ полнымъ усердіемъ исполнялъ всѣ обязанности рядового; не только ни отъ чего не отказывался, но старался во все вникнуть, все узнать во всѣхъ подробностяхъ. Онъ изучалъ воинскіе и строевые уставы, правила и постановленія, внимательно занимался строевыми упражненіями, самъ чистилъ свое ружье и пр. Вообще онъ дѣлалъ самъ все, что̀ требовалось, не пользуясь ничьими услугами. Онъ служилъ съ солдатами наравнѣ, велъ и жизнь вполнѣ солдатскую, раздѣляя со своими товарищами по оружію всю обстановку жизни. Онъ входилъ во всѣ подробности ихъ быта, и такъ какъ служба Суворова въ нижнихъ чинахъ продолжалась очень долго, то будущій генералиссимусъ узналъ хорошо русскаго солдата, его особенности, его потребности и нужды. Это была практическая школа для полководца, которою Суворовъ сумѣлъ вполнѣ воспользоваться. У насъ опять-таки нѣтъ прямыхъ указаній на мотивы, которыми юный мушкетеръ руководился въ своемъ строгомъ подчиненіи всѣмъ требованіямъ дѣйствительной солдатской службы, но мы

можемъ предполагать, что и тогда уже поклонникъ Цезаря и Ганнибала серьезно думалъ о самостоятельной боевой карьерѣ для себя, что онъ подъ солдатскимъ мундиромъ носилъ надежду или, точнѣе, рѣшительное намѣреніе быть полководцемъ и понималъ, какъ важно для этого знакомство и близость съ солдатской средой.

Строгое исполненіе солдатской службы не мѣшало Суворову продолжать свои занятія, свое чтеніе. Выше уже было говорено о томъ, какъ онъ, будучи въ полку, ходилъ въ корпусъ слушать уроки, какъ онъ продолжалъ усиленно свое чтеніе, самъ покупая книги или доставая ихъ, гдѣ могъ, для прочтенія. Продолжалъ онъ также укрѣплять свое здоровье и вскорѣ постепенными мѣрами закалилъ его и сдѣлался способенъ выносить трудности и лишенія, не всегда посильныя даже болѣе крѣпкимъ людямъ.

Довольно долго Суворовъ оставался рядовымъ; затѣмъ онъ въ 1747 г. «произведенъ былъ въ капралы,—говорится въ его автобіографіи (стр. 3),—и состоялъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ съ исправленіемъ разныхъ должностей и трудныхъ посылокъ». Между прочимъ Суворовъ, уже будучи сержантомъ, командировался въ 1752 г. въ Вѣну и Дрезденъ съ депешами. Несмотря на усердное и внимательное исполненіе службы, оцѣненное и начальствомъ, Суворовъ былъ въ нижнихъ чинахъ девять лѣтъ, если считать со времени его явки въ полкъ, или даже двѣнадцать, если считать съ того времени, когда онъ былъ записанъ рядовымъ. «Въ 1754 году,—говоритъ его автобіографія,—выпущенъ былъ изъ сержантовъ въ полевые полки поручикомъ». Суворову было уже около двадцати пяти лѣтъ, когда онъ былъ произведенъ въ офицеры, между тѣмъ многіе изъ его современниковъ бывали въ такомъ возрастѣ уже генералами; такъ, Румянцевъ былъ полковникомъ на 19-мъ

году, генераломъ—на 22-мъ; Н. И. Салтыковъ—полковникомъ 23-хъ лѣтъ, генераломъ—25-ти; Репнинъ былъ генераломъ на 28-мъ году, Каменскій—на 31-мъ [1]). И дальнѣйшее производство Суворова въ офицерскихъ чинахъ также шло по условіямъ того времени не быстро, и онъ самъ потомъ говорилъ про себя: «Я не прыгалъ смолоду»...

При производствѣ въ офицеры, Суворовъ оставилъ Семеновскій полкъ и перешелъ поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ. У насъ нѣтъ вовсе подробныхъ свѣдѣній о службѣ Суворова офицеромъ. Можно указать только на то, что и тутъ Суворовъ продолжалъ свои занятія, чтеніе книгъ; къ этому времени относятся его печатные литературные опыты; онъ принималъ участіе въ публичныхъ чтеніяхъ въ литературномъ Обществѣ при кадетскомъ корпусѣ. Съ полнымъ правомъ мы можемъ, конечно, предположимъ, что Суворовъ-офицеръ относился такъ же внимательно къ своимъ служебнымъ обязанносятмъ, какъ Суворовъ-сержантъ или подзнѣе Суворовъ-полковой командиръ. Не слѣдя подробнѣе за ходомъ службы и производства въ чины Суворова, приведу лишь выдержку изъ его автобіографіи: «въ 756 году произведенъ былъ оберъ-провіантмейстеромъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, а потомъ переименованъ въ премьеръ-майоры, въ которомъ званіи въ 758 году былъ при формированіи третьихъ батальоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи и имѣлъ оныхъ въ своей командѣ семнадцать, которые препроводилъ въ Пруссію, и былъ комендантомъ въ Мемелѣ» [2]). Въ то время шла семилѣтняя война [3]),

---

[1]) Милютинъ, I, 131.

[2]) Стр. 3-я.

[3]) 1756—63 гг. Россія воевала тогда въ союзѣ съ Австріей, Франціей, Швеціей, Саксоніей и Польшей. Въ концѣ сентября 1760 г. русскія войска захватили Берлинъ и взяли съ него контрибуцію, въ $1^1/_2$ милл. талеровъ. *(Примѣч. К. С.)*.

русскія войска дѣйствовали противъ арміи Фридриха Великаго и занимали Восточную Пруссію. Суворова, при его отношеніи къ военному дѣлу, не могло удовлетворить руководство составленіемъ и отсылкой резервныхъ батальоновъ: онъ, понятно, стремился принять непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть завѣтной цѣли, онъ на этотъ разъ рѣшился обратиться къ содѣйствію отца своего, особенно выдвинувшагося во время семилѣтней войны. Генералъ-поручикъ Василій Суворовъ подалъ челобитье, въ которомъ изъяснялъ, что сынъ его, подполковникъ Александръ Суворовъ, по представленію князя Шаховскаго, опредѣленъ къ правленію оберъ-кригскомиссарской должности и изъ полку выключенъ; «а нынѣ сынъ мой ко мнѣ пишетъ, что онъ по своимъ молодымъ лѣтамъ желаніе и ревность имѣетъ еще далѣе въ воинскихъ операціяхъ практиковаться и службу свою по-прежнему продолжать при полку» съ переводомъ въ дѣйствующую армію [1]). Челобитье это было удовлетворено. Суворовъ получилъ возможность принять близкое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это была первая кампанія тридцатилѣтняго подполковника, и онъ блистательно началъ свою боевую карьеру, которая должна была продлиться болѣе сорока лѣтъ и увѣнчать его имя такою безпримѣрною славой.

Суворовъ былъ назначенъ вначалѣ «генеральнымъ и дивизіоннымъ дежурнымъ» при генералѣ Ферморѣ, съ которымъ сошелся очень близко. Отправляя эту штабную должность, Суворовъ могъ хорошо присмотрѣться къ общимъ порядкамъ въ тогдашней русской арміи, къ общему веденію дѣла. Онъ сумѣлъ тогда же критически отнестись къ ходу

---

[2]) См. *Русскую Старину*, 1887 г., октябрь, стр. 212-я, и 1897 г., сентябрь, стр. 480-я.

операцій. Такъ, послѣ кунерсдорфской побѣды, когда Салтыковъ стоялъ на мѣстѣ, не предприняль ничего рѣшительнаго, Суворовъ высказалъ Фермору, что теперь слѣдовало идти прямо на Берлинъ. Въ настоящее время мы знаемъ, что Фридрихъ Великій боялся именно такого движенія русскихъ на свою столицу.

Вскорѣ Суворова стали назначать командовать отдѣльными отрядами. Онъ выказалъ себя храбрымъ и расторопнымъ начальникомъ и участвовалъ съ успѣхомъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ. Пѣхотный офицеръ, онъ часто стоялъ во главѣ конной части и отличался въ лихихъ кавалерійскихъ атакахъ и наѣздахъ; одно дѣло было имъ выиграно благодаря исключительно искусному пользованію артиллеріей. Въ своей автобіографіи Суворовъ пересчитываетъ всѣ сраженія, въ которыхъ онъ тогда участвовалъ, прибавляя въ концѣ: «никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно, и теорія безъ практики мертва: то надлежитъ здѣсь прибавить для молодыхъ офицеровъ, кои стремятся къ пріобрѣтенію впредь себѣ славы не чуждыми достоинствами» [1]). Такъ Суворовъ высоко цѣнилъ практическій боевой опытъ, пріобрѣтенный имъ въ семилѣтнюю войну. По мнѣнію гр. Д. А. Милютина, въ партизанскихъ наѣздахъ этого времени «впервые обнаружились и, быть-можетъ, зародились тѣ свойства Суворова, которыя впослѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость» [2]). По взгляду г. Петрушевскаго [3]), участіе въ семилѣтней войнѣ дало Суворову цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ для него свѣдѣній о недостаткахъ въ тогдашнемъ военномъ

---

[1]) Стр. 3—6.
[2]) I, 133—134.
[3]) Стр. 15—19.

устройствѣ въ Россіи, и эти свѣдѣнія легли, вмѣстѣ съ результатами боевого опыта, въ основу созданной затѣмъ Суворовымъ системы.

Дѣйствія Суворова на войнѣ доставили ему тогда же громкую извѣстность въ арміи, вызвали самые лестные отзывы начальниковъ. Главнокомандующій Бутурлинъ сообщалъ императрицѣ, что Суворовъ «себя передъ прочими гораздо отличилъ», а отцу его писалъ, что его сынъ «у всѣхъ командировъ особливую пріобрѣлъ себѣ любовь и похвалу». Румянцевъ объяснялъ, помѣщая Суворова во главѣ кавалеріи, что хотя Суворовъ и числится по пѣхотѣ, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями прямо кавалерійскими. Генералъ Бергъ, въ отрядѣ котораго состоялъ Суворовъ, отзывался о немъ какъ объ отличномъ офицерѣ, «который быстръ при рекогносцировкѣ, отваженъ въ бою и хладнокровенъ въ опасности» [1]).

Въ очень многихъ дѣлахъ Суворовъ выказалъ личную храбрость, не разъ подвергаясь въ пылу битвы смертельной опасности. Онъ самъ былъ раненъ, подъ нимъ не разъ была убита или ранена лошадь. Конечно, храбрость личная, пренебреженіе къ опасности не представляетъ такой рѣдкой черты, на присутствіе которой въ Суворовѣ слѣдовало бы особенно указывать. Но я остановлюсь на этомъ потому, что, какъ это ни странно, существуетъ показаніе одного современника о Суворовѣ, свидѣтельствующее, что знаменитый полководецъ не любилъ и избѣгалъ опасности. Въ запискахъ Энгельгардта, довольно вообще неблагопріятно отзывающагося о Суворовѣ, съ которымъ онъ служилъ въ Польшѣ въ девяностыхъ годахъ, есть заявленіе, что Суворовъ на войнѣ только дѣлалъ видъ, что желаетъ быть

[1]) Петрушевскій, стр. 14 и 15.

въ самомъ пылу битвы, что онъ былъ радъ, когда его удерживали въ безопасномъ мѣстѣ, и награждалъ за это [1]). Такое заявленіе Энгельгардта показываетъ, насколько въ отзывахъ современниковъ о Суворовѣ можетъ заключаться пристрастнаго и ложнаго. Ту же личную храбрость, которую Суворовъ выказалъ во время семилѣтней войны, онъ постоянно проявлялъ и позднѣе во всѣхъ кампаніяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ: въ храбрости полководца Суворовъ справедливо видѣлъ одно изъ средствъ къ одушевленію войска въ битвѣ, во время опаснаго положенія дѣлъ. Можно привести цѣлый рядъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ о храбрости Суворова, объ его презрѣніи къ опасности и къ полученнымъ ранамъ. Упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ случаяхъ. Не одинъ разъ Суворовъ во время турецкихъ и польскихъ кампаній являлся среди пыла рукопашной схватки и подвергался опасности отъ непосредственнаго нападенія, бывалъ въ опасности отъ турецкаго ятагана или польской сабли. Онъ шелъ съ солдатами самъ впередъ на приступъ и подъ Туртукаемъ былъ раненъ осколкомъ разорвавшейся турецкой пушки во время атаки на непріятельскую батарею. Суворовъ при рекогносцировкахъ, которыя онъ часто, до послѣднихъ кампаній включительно, производилъ лично, заѣзжалъ иной разъ такъ далеко, что оказывался въ опасности быть захваченнымъ. Разсказу Энгельгардта можно противопоставить разсказъ донскаго атамана Денисова, передающій именно о такихъ случаяхъ, на счетъ которыхъ Энгельгардтъ сомнѣвается или которые онъ хочетъ перетолковать въ смыслѣ притворства со стороны Суворова. Денисовъ, человѣкъ извѣстный своею личной храбростью, сумѣлъ бы отличить это притворство въ Суворовѣ; между

---

[1]) Записки Льва Николаевича Энгельгардта, стр. 143—144.

тѣмъ въ его запискахъ мы читаемъ при разсказѣ о битвѣ при рѣкѣ Аддѣ: «Прискакалъ ко мнѣ съ малымъ числомъ чиновниковъ и очень незначительнымъ конвоемъ самъ фельдмаршалъ Суворовъ. И когда я ему донесъ обо всемъ, то онъ, очень благодаря меня, приказалъ слѣдовать впередъ съ тѣмъ, что и онъ останется съ казаками; но я отъ выполненія того отказался, хотя требовалъ онъ того непремѣнно, но я представлялъ, что онъ явно подвергаетъ свою особу опасности, при чемъ пули двѣ или три пролетѣли отъ сражающейся пѣхоты надъ его головой». Денисовъ настоялъ на своемъ и не пустилъ Суворова въ атаку. «Фельдмаршалъ Суворовъ сдѣлалъ мнѣ уже послѣ сраженія выговоръ, но безъ злобы». Въ битвѣ подъ Туриномъ Суворовъ, ѣхавшій впереди наступавшей колонны, оказался вскорѣ подъ пушечнымъ огнемъ въ большой опасности; Суворовъ ни за что не хотѣлъ удалиться, такъ что атаманъ Денисовъ схватилъ его насильно на руки и вынесъ за прикрытіе, въ болѣе безопасное мѣсто [1]). Въ запискахъ Денисова есть и другіе разсказы, свидѣтельствующіе о храбрости Суворова. Объ этой храбрости свидѣтельствовали и многочисленныя раны Суворова, о которыхъ онъ подъ старость любилъ говорить. Храбрость Суворова стояла внѣ всякаго сомнѣнія, и онъ могъ спокойно говорить состоявшему въ итальянскій походъ при главной квартирѣ Фуксу, который попалъ какъ-то въ огонь и боялся повторенія этого: «Не бойся ничего, держись только около меня, вѣдь я самъ трусъ».

Возвращаемся ко времени семилѣтней войны. Въ 1762 г. Суворовъ былъ посланъ изъ арміи съ депешами къ только-что вступившей на престолъ Екатеринѣ II. Заслуги Суво-

---

[1]) *Русская Старина*, 1874 г., декабрь, стр. 625 и 637, 638.

рова на войнѣ привели къ пожалованію его въ полковники и къ назначенію командиромъ сначала Астраханскаго, а потомъ Суздальскаго полка. Командованіе этими полками дало возможность Суворову самостоятельно развить на практикѣ собственную систему военнаго обученія. Его полкъ стоялъ въ разныхъ мѣстахъ: то въ Петербургѣ, то въ Новгородѣ, то въ Ладогѣ, то опять возвращался въ Петербургъ для красносельскихъ маневровъ. Всѣ подобныя передвиженія Суворовъ производилъ въ военномъ порядкѣ съ цѣлью пріучить солдатъ къ быстрымъ походамъ. Въ мѣстахъ расположенія полка онъ занимался постояннымъ обученіемъ солдатъ посредствомъ совершенно особыхъ пріемовъ. Въ одномъ изъ писемъ гр. С. Р. Воронцова къ сыну разсказывается, что при стоянкѣ въ Ладогѣ Суворовъ, послѣ ученія, раздѣвался вмѣстѣ со всѣмъ полкомъ и переплывалъ Волховъ; онъ обучалъ войска перепрыгивать черезъ широкіе рвы и т. п.[1]). Суворовъ вдругъ ночью соберетъ полкъ по тревогѣ и поведетъ въ походъ: водитъ нѣсколько дней сряду, переходитъ черезъ рѣки въ бродъ и вплавь, подолгу держитъ войска въ строю на морозѣ или при сильномъ жарѣ; былъ случай, что онъ при одномъ изъ подобныхъ переходовъ заставилъ полкъ брать приступомъ по всѣмъ правиламъ расположенный подъ Ладогой монастырь[2]). Подобные необычные пріемы при обученіи полка вызывали много толковъ и приписывались тому чудачеству, которымъ Суворовъ и тогда уже начиналъ отличаться. Объ этомъ чудачествѣ вскорѣ буду говорить подробно, здѣсь же надо только указать, что подъ необычными и подчасъ странными формами обученія полка скрывалась глубоко обдуманная система, имѣвшая огромное значеніе и стоявшая

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», XVII, стр. 197.
[2]) Милютинъ, I, 135.

въ прямой связи со всѣми послѣдующими успѣхами Суворова на войнѣ. Астраханскій и Суздальскій полки первые восприняли то обученіе, которое Суворовъ считалъ необходимымъ для подготовленія къ боевымъ дѣйствіямъ и которое дѣлало изъ солдатъ суворовскихъ «чудо-богатырей», совершившихъ столько невѣроятныхъ подвиговъ.

По замѣчанію г. Петрушевскаго, «Суворовъ, военный учитель и особенно воспитатель, былъ очень крупною величиною, и побѣдныя свойства его боевой дѣятельности вытекли (по его многократному заявленію) именно изъ его военно-педагогической системы» [1]). На обученіи полка и выработалась вся его система. Онъ убѣдился во время семилѣтней войны, какъ медленно двигались русскія войска, и вотъ онъ пріучаетъ свой полкъ къ быстрымъ и долгимъ переходамъ, доводя быстроту до 50-ти верстъ въ сутки и даже больше, чуть не до 85-ти. Онъ пріучалъ солдатъ къ движеніямъ безъ обоза, къ перенесенію трудностей похода, вопреки времени года, погодѣ, дорогѣ, мѣстности, днемъ и ночью и пр. Онъ пріучалъ солдатъ только къ наступленію, къ атакамъ, не признавая вовсе отступленія, отвергая употребленіе на офиціальномъ языкѣ такихъ словъ, какъ *опасность*, *сикурсъ*, *дефанзивъ* и пр. Онъ развивалъ въ солдатахъ настойчивость и упорство. Извѣстно, какое значеніе придавалъ Суворовъ атакѣ въ штыки, но на ряду съ этимъ мы видимъ, что онъ не отрицалъ совершенно употребленія огня, пріучалъ солдатъ къ стрѣльбѣ и, проповѣдуя, что «пуля—дура, а штыкъ—молодецъ», что «пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится», онъ училъ: «стрѣляй рѣдко, да мѣтко, а штыкомъ коли крѣпко». Предпочтеніе штыка пулѣ объясняется тогдашнимъ состояніемъ огнестрѣльнаго

---

[1]) Стр. 22. См. также дальше стр. 23—32.

оружія, бившаго на очень короткія разстоянія, не всегда отличавшагося правильностью выстрѣла, требовавшаго для новаго заряженія много времени и хлопотъ. Но Суворовъ умѣлъ, когда было нужно, искусно пользоваться въ сраженіи и артиллерійскимъ, и ружейнымъ огнемъ. Въ своей автобіографіи онъ самъ отмѣчаетъ нѣсколько такихъ случаевъ.

Относительно обученія собственно Суздальскаго полка мы не знаемъ многихъ подробностей; мы должны судить и обо всей системѣ суворовскаго обученія по болѣе позднимъ даннымъ. Суворовъ постоянно училъ войска не только въ мирное время, но и на войнѣ, пользуясь для этого пріостановкой военныхъ дѣйствій или имѣя въ виду прямо спеціальную задачу даннаго положенія. Подъ Измаиломъ, напр., онъ передъ приступомъ устроилъ особое обученіе для войска: онъ выбралъ для этого подходящее мѣсто, насыпалъ высокій валъ, вырылъ ровъ, и здѣсь солдаты по ночамъ практиковались въ переходѣ черезъ эти укрѣпленія. Суворовъ требовалъ отъ начальниковъ усерднаго и внимательнаго обученія войскъ «въ тонкости», какъ онъ выражался, но обученіе это было не для вахтъ-парада, не фрунтовое, а чисто-боевое. Онъ придавалъ такому подготовительному обученію большое значеніе и говорилъ: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всѣхъ случаяхъ потребны,—только тщетны они, если не будутъ истекать изъ искусства». Первый боевой опытъ Суздальскаго полка показалъ, насколько суворовское обученіе имѣло важное значеніе; практика вполнѣ подтвердила пріемы Суворова, и онъ дальше продолжалъ развивать и укрѣплять ихъ. Побѣды Суворова въ значительной степени опирались на предварительное внимательное и глубоко обдуманное обученіе войскъ, и уже это само по себѣ показываетъ, сколько

нужно было «умѣнія» для того, чтобы сдѣлать свои войска непобѣдимыми и способными къ необычайнымъ подвигамъ. Суворовъ, какъ только прибылъ въ Италію къ союзной арміи, немедленно приступилъ къ обученію по-своему австрійскихъ войскъ. Суворовъ самъ постоянно и усердно работалъ, имѣя въ виду одну цѣль; той же работы онъ требовалъ и отъ каждаго солдата.

На ряду съ чисто-военнымъ, боевымъ обученіемъ Суворовъ заботился и объ общемъ развитіи солдата. Вступивъ въ командованіе Суздальскимъ полкомъ, онъ выстроилъ полковую церковь, а также двѣ школы: одну—для дворянъ, другую—для солдатскихъ дѣтей. Самъ Суворовъ училъ въ этихъ школахъ, самъ составилъ для нихъ учебники ариѳметики и Закона Божія. При дворянской школѣ Суворовъ устраивалъ театральныя представленія. Все это было такимъ же необычайнымъ явленіемъ, какъ и вся система обученія полка, и многими разсматривалось тоже, какъ чудачество.

Какъ самъ Суворовъ былъ столь много обязанъ книгѣ, чтенію, такъ онъ не хотѣлъ и солдатъ оставить безъ духовнаго развитія, хотѣлъ на нихъ распространить книжное ученіе: солдатъ долженъ былъ «въ тонкости» понимать свое дѣло, свое «искусство».

Если взять всю систему обученія войска, какъ ее выработалъ и практиковалъ Суворовъ, мы должны признать, что она сложилась и развилась на удачной комбинаціи природныхъ дарованій Суворова съ его теоретической подготовкой и съ его боевою практикой.

Во время командованія полкомъ Суворовъ выказалъ вполнѣ еще двѣ особыя черты своей личности,—черты, которыя являются существенно важными во всей послѣдующей дѣятельности его, представляются чрезвычайно харак-

терными. Это, во-первыхъ,—внимательнѣйшая забота о солдатѣ, объ его здоровьѣ и довольствѣ, во-вторыхъ, полнѣйшее безкорыстіе, безусловное сохраненіе всѣхъ казенныхъ, полковыхъ денегъ. И заботливость о солдатѣ, и безкорыстіе представляются чѣмъ-то вполнѣ исключительнымъ въ томъ вѣкѣ. Они являются столь же исключительными особенностями Суворова, какъ и другія его свойства, о которыхъ говорено выше.

III.

Среди отличительныхъ особенностей Суворова, среди качествъ, которыя являлись существенными въ личности великаго полководца, важное мѣсто надо признать за его постоянной и, можно сказать, сердечной заботливостью о солдатѣ. Мы знаемъ, какъ Суворовъ съ пятнадцатилѣтняго возраста, въ теченіе продолжительной службы своей въ нижнихъ чинахъ, сблизился съ бытомъ солдатъ, узналъ его условія въ подробностяхъ. Эта близость облегчила ему заботу о здоровьѣ солдата, лежащую на офицерѣ и генералѣ. Суворовъ зналъ, что нужно солдату, и заботился, чтобы его нужды были удовлетворены. Результаты, которыхъ онъ достигалъ въ этомъ отношеніи, могутъ быть названы блестящими.

Свою заботливость о солдатѣ и умѣнье обезпечить ему довольство и здоровье, примѣняясь къ даннымъ условіямъ, Суворовъ выказалъ очень рано, какъ только получилъ самостоятельное командованіе. Во время семилѣтней войны, зимой 1761 г., Суворовъ командовалъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ и не разъ отличался блестящими кавалерійскими нападеніями на непріятеля. По своимъ условіямъ эта зимняя кампанія была очень тяжела для войскъ. Твер-

скіе драгуны дѣлали ее по распоряженію Суворова безъ обоза, ради большей быстроты передвиженія, но, несмотря на это, полкъ почти не пострадалъ отъ зимнихъ переходовъ и имѣлъ очень мало больныхъ[1]).

Суворовъ и въ мирное время съ особеннымъ вниманіемъ заботился о здоровьѣ солдатъ, постоянно принималъ мѣры къ тому, чтобы меньше было больныхъ, думалъ о гигіеническихъ и санитарныхъ условіяхъ ихъ быта, и въ этомъ, а не въ развитіи госпитальнаго пользованія, видѣлъ лучшую гарантію здоровья войскъ. Это вполнѣ понятно при тогдашнемъ состояніи военной медицины у насъ, но вызывало сильные нападки на Суворова со стороны его завистниковъ вообще и въ частности со стороны тѣхъ, кто былъ заинтересованъ развитіемъ военныхъ госпиталей. Суворову пришлось изъ-за этого вынести немало непріятностей въ то время, когда онъ былъ въ Финляндіи въ 1791 году. Удаленіе его въ Финляндію было дѣломъ если не опалы, то во всякомъ случаѣ не показывало и особенной милости къ Суворову; между тѣмъ естественно, что въ Финляндіи, вблизи отъ столицы, Суворовъ не былъ такъ самостоятеленъ, какъ при командованіи гдѣ-нибудь на Югѣ. Поэтому его мѣры вызывали толки и въ публикѣ, и въ высшихъ служебныхъ сферахъ. Онъ съ негодованіемъ писалъ своему родственнику Хвостову, постоянному его столичному корреспонденту, о взводимыхъ на него обвиненіяхъ, какъ о «прибаскахъ кабацкой ярыги». Суворова обвиняли, что онъ не жалѣетъ солдатъ, вовсе не понимаетъ медицины и потому моритъ во множествѣ людей при полкахъ, не пуская ихъ въ госпитали. Суворову пришлось, наконецъ, въ официальныхъ бумагахъ оправдываться, и онъ точными цифрами

---

[1]) Петрушевскій, 14.

доказалъ, что при немъ, благодаря мѣрамъ, которыя онъ принялъ, число больныхъ и смертность сократились противъ прежняго, хотя и при немъ все-таки продолжали отзываться прежніе непорядки. Надо сказать, что всего въ Финляндіи Суворовъ провелъ тогда полтора года, такъ что, понятно, не успѣлъ поставить на свой ладъ всего, что было бы нужно измѣнить. Въ виду того, что возникшія пререканія вызвали переписку, мы знаемъ нѣсколько подробнѣе, какіе именно порядки устраивалъ Суворовъ по отношенію къ медицинской части.

Суворовъ засталъ финляндскіе госпитали въ ужасномъ видѣ. Онъ немедленно принялся за ихъ эвакуацію. Онъ оставилъ въ госпиталяхъ только больныхъ чахоткой, водянкой, камнями, сифилисомъ, а также находившихся на испытаніи. Суворовъ распорядился устроить лазареты, околотки, слабосильныя команды. Онъ подраздѣлялъ больныхъ на четыре категоріи: больные, слабые, хворые и льготные. Послѣдніе, это—тѣ, которымъ дана временная льгота отъ служебныхъ занятій для поправки. Суворовъ велѣлъ выключить въ отставку людей, наиболѣе пострадавшихъ отъ болѣзни, распорядился, чтобы больныхъ держали по возможности въ полковыхъ лазаретахъ, не отправляя въ дальніе госпитали: «дорогой они приходятъ въ худшее состояніе и вступаютъ полумертвыми въ смертоносный больничный воздухъ». Слабыхъ не велѣно было отправлять и въ полковой лазаретъ, а давать имъ льготу по служебнымъ занятіямъ и для поправки помѣщать «въ особой казармѣ или въ крестьянскихъ домахъ». Суворовъ предписывалъ: «соблюдать крайнюю чистоту, потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, поносъ, и горячку—голодъ, на цынгу—табакъ. Кто чиститъ желудокъ рвотнымъ, слаби-

тельнымъ, проносным,—тотъ день голодъ. Непрестанное движенiе на воздухѣ. Предосторожности по климату—капуста, хрѣнъ, табакъ, лѣтнiя травки. Минералы, ингредiенцiи не по солдатскому воспитанiю, на то ботаническiя средства въ артеляхъ».

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить значенiе подобныхъ гигiеническихъ предписанiй Суворова и нежеланiе его допускать солдата до госпитальнаго лѣченiя, надо имѣть въ виду, каковы были русскiе госпитали того времени. Въ нихъ медицинская часть была поставлена весьма слабо, а хозяйственная служила для возмутительнѣйшихъ злоупотребленiй, прямо для грабежа. Конечно, тутъ ужъ не было никакой заботы о солдатѣ. Когда Суворовъ, командуя въ Крыму, сталъ примѣнять свою систему, ему предлагали большую денежную взятку, только бы онъ не закрывалъ госпиталей. Подряды по госпиталямъ были ужасны по своимъ цѣнамъ, а госпитальное начальство соблюдало при этомъ свою выгоду на разсчетѣ числа больныхъ, скрывая умершихъ, и т. д. «Мертвая собака не лаетъ»,—писалъ по этому поводу Суворовъ. У него же находимъ разсказъ о томъ, какъ «брошенный въ яму фланговой рядовой Алексѣевъ вдругъ стучится у спальни нагой.—Вѣдь ты умеръ — Нѣтъ живъ». Суворовъ сообщалъ, что бываютъ ошибки и другого рода: иной начальникъ, разсчитывая, что при заведенныхъ у него порядкахъ извѣстное число людей должно въ такой-то срокъ вымереть, положитъ заранѣе въ карманъ двухмѣсячное на нихъ содержанiе, а они обманутъ его разсчеты и останутся живы, и приходится имъ заниматься сборомъ милостыни на свое пропитанiе. При ревизiи Суворовымъ госпиталей въ Елисаветградѣ тамъ оказалось больныхъ, неправильно зачисленныхъ на госпитальное довольство, около тысячи человѣкъ, и изъ нихъ половина

въ городѣ, не получавшая вовсе госпитальной пищи, а только числившаяся для полученія начальствомъ денегъ[1]).

Суворовъ всегда строго требовалъ, чтобы начальникъ части заботился о здоровьѣ солдатъ. Во время первой турецкой войны, узнавъ о плохомъ санитарномъ состояніи нѣкоторыхъ частей, Суворовъ писалъ между прочимъ: «Апшеронская рекрутская команда у майора Теглева изъ 150-ти до 50-ти охворала; онъ можетъ въ Букарестѣ за дѣвушками ходилъ,—изрядный подданный своей императрицы». Какъ трогало Суворова то, что несмотря на его заботы здоровье солдатъ бывало иногда въ отдѣльныхъ частяхъ крайне неудовлетворительно, видно изъ писемъ его къ графу Н. А. Зубову въ 1796 г. изъ Тульчина: «Я въ горести: черноморскій 24-хротный корпусъ сгубилъ столько людей въ четыре мѣсяца»... По поводу этого Суворовъ издалъ приказъ, въ которомъ объяснены причины смертности: сырыя казармы, осеннія работы, плохое устройство лазаретовъ,— хотя командующій генералитетъ имѣлъ долгъ предохранить отъ сихъ пагубныхъ послѣдствіевъ... Сдѣлать выговоръ публичный полковымъ и баталіоннымъ командирамъ, а ротныхъ и баталіонныхъ командировъ отказать отъ команды впредь до исправленія». Посылая этотъ приказъ Зубову, Суворовъ опять писалъ ему: «Я въ горести о умершихъ, увидите изъ приложеніевъ, какое въ здѣшнихъ полкахъ происходило, всѣ возможности приняты къ пресѣченію того»[2]).

---

[1]) Петрушевскій, стр. 257—260, 286; см. также въ первомъ изданіи, томъ I, стр. 415—417. Конечно, злоупотребленія бывали съ больными не только въ госпиталяхъ, но и въ полкахъ. Суворовъ приводитъ такой разговоръ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ: «Зыбинъ, что вы бѣжите въ роту, развѣ у меня вамъ худо, скажите по совѣсти?—Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ 1,000 рублей.—Откуда? —Отъ мертвыхъ солдатъ». (Петрушевскій, 287).

[2]) *Русскій Архивъ* 1866, стр. 957, 958.

Сейчасъ мы видѣли, какія злоупотребленія были въ то время въ госпиталяхъ. Но подобное же положеніе дѣлъ было и вообще въ арміи. Корыстныя злоупотребленія были обычнымъ явленіемъ въ арміи и никого не возмущали, даже не удивляли. Какъ извѣстно, даже много позднѣе высшее начальство назначало полковыхъ командировъ завѣдомо съ цѣлью поправить разстроенныя дѣла подобно тому, какъ въ до-петровской Руси назначались воеводы на кормленіе. Понятно, что дѣлалось тутъ во второй половинѣ прошлаго вѣка (т.-е. 18-го).

Суворовъ былъ безупреченъ въ этомъ отношеніи. Онъ никогда не пользовался обычными доходами, которые считались «безгрѣшными» и полная возможность которыхъ представлялась командиру полка или другой отдѣльной части. Мы видѣли раньше, какъ много учрежденій устроилъ Суворовъ при своемъ полку: построилъ церковь, завелъ двѣ школы и пр. Все это должно было стоить немало денегъ, и Суворовъ употреблялъ на это полковыя экономическія суммы, никогда не пользуясь для себя ни копѣйкой. Солдатъ у него получалъ все, что долженъ былъ получать, а экономія шла на пользу того же солдата. Суворову приходилось постоянно бороться съ крупными злоупотребленіями по разнымъ отраслямъ военнаго хозяйства и на разныхъ ступеняхъ его... Онъ воевалъ съ коммиссаріатомъ, и съ интенданствомъ, преслѣдовалъ корыстныя дѣйствія въ ущербъ солдатамъ со стороны начальниковъ, крупныхъ и мелкихъ. Въ одномъ изъ писемъ къ А. Р. Воронцову въ 1796 г. корреспондентъ его, сообщая ему столичныя новости, между прочимъ писалъ: «Графъ А. В. Суворовъ донесъ рапортомъ, что онъ нашелъ въ своей арміи, что генералы почти всѣ откупщики или поставщики»[1]...

---

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», XIV, стр. 481.

Насколько Суворовъ былъ щепетильно честенъ въ подобныхъ дѣлахъ, отличаясь и въ этомъ отношенiи отъ обычнаго уровня того времени, можно видѣть изъ того, что онъ не дозволялъ своимъ управляющимъ пользоваться какими-либо ухищренiями, чтобы обойти противника въ тяжбѣ, чтобы обсчитать казну, и пр. Онъ не дозволялъ, напримѣръ, писать документъ не въ полную сумму, съ цѣлью уменьшить пошлины[1]).

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о дальнѣйшей службѣ Суворова, объ его боевой дѣятельности, надо еще упомянуть о двухъ его особенностяхъ, уже проявившихся вполнѣ опредѣленно и за первое время его службы, за время командованiя полкомъ. Въ связи съ его знанiемъ солдатской среды и въ особенности въ связи съ тѣми опредѣленными задачами, которыя онъ ставилъ для обученiя войска, съ тѣми качествами, которыхъ онъ требовалъ отъ солдата, стояло отношенiе Суворова къ вопросамъ дисциплины и наказанiя. Суворовъ требовалъ строгой дисциплины, безусловнаго повиновенiя и достигалъ ихъ; но при этомъ онъ имѣлъ въ виду только основныя условiя боевой дѣятельности войска,—дисциплина входила, какъ существенный элементъ, въ боевую подготовку, и только. Какъ Суворовъ не морилъ войска фронтовымъ обученiемъ ради парада, такъ онъ не требовалъ и дисциплины помимо указаннаго. Онъ осмѣивалъ тѣхъ, которые «понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацiю—въ трепетѣ подчиненныхъ».

Тогда былъ вѣкъ жестокихъ наказанiй въ войскахъ. Суворовъ не былъ ихъ сторонникомъ. Онъ допускалъ и употреблялъ, согласно со взглядами времени, тѣлесныя наказанiя въ войскѣ подобно тому, какъ, будучи вообще

---

[1]) Петрушевскiй, 153; первое изданiе, т. I, стр. 263.

добрымъ помѣщикомъ, онъ иногда прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ своихъ крестьянъ.[1]) Но Суворовъ вовсе не былъ поклонникомъ палки, шпицрутеновъ, употреблялъ ихъ не часто и не чрезмѣрно. Онъ понималъ, что палка можетъ имѣть очень вредное вліяніе на человѣка и привести къ результатамъ, несогласнымъ съ основными цѣлями обученія, воспитанія солдата. Суворовъ предупреждалъ особенно отъ злоупотребленія тѣлеснымъ наказаніемъ относительно рекрутовъ; онъ писалъ, напр., рекрутской командѣ, направленной въ одинъ изъ полковъ: «Только бы ее тамъ поберегли отъ палокъ и чудесъ». Вообще Суворовъ никогда не былъ очень строгъ въ налагаемыхъ взысканіяхъ, что зависѣло отъ его доброты, и отъ уваженія къ личному достоинству въ солдатѣ: Суворовъ желалъ видѣть въ солдатѣ пониманіе той цѣли, къ какой его вели, тѣхъ пріемовъ, какимъ его обучали, пониманіе «въ тонкости» боевого искусства. Точно также онъ желалъ видѣть исполнительность и хорошее поведеніе солдата не изъ-за страха суроваго назаканія, но изъ нравственнаго сознанія. Мы знаемъ, что Суворовъ старался дать солдату извѣстное обученіе, устроилъ для этого школы; особенное вниманіе онъ обращалъ на религіозную сторону жизни солдатъ: самъ человѣкъ глубоко-вѣрующій, онъ желалъ, чтобы вѣра служила однимъ изъ главныхъ основаній въ поступкахъ солдата, чтобы онъ служилъ не только за страхъ, но и за совѣсть.

Осенью 1768 г. Суворовъ былъ произведенъ въ бригадиры, но все еще оставался во главѣ Суздальскаго полка, съ которымъ ему и пришлось вскорѣ выступить въ походъ.

---

[1]) О Суворовѣ, какъ помѣщикѣ, см. вышеуказанную книжку г. Рыбкина. *(Примѣч. К. С.)*

Дѣла польскія, возникшая въ Польшѣ конфедерація, вызвали вмѣшательство Россіи. Въ королевство были двинуты войска. Суворовъ отправился изъ Ладоги сначала въ Смоленскъ: разстояніе въ 850 верстъ было сдѣлано полкомъ въ 30 дней, при чемъ въ Ладогѣ полкъ не оставилъ ни одного больного, а за время похода было лишь шестеро захворавшихъ. Въ Смоленскѣ Суворовъ получилъ въ команду бригаду, въ составъ которой входилъ и Суздальскій полкъ. Зиму Суворовъ провелъ здѣсь въ безпрестанномъ обученіи бригады по той же системѣ, которую онъ ввелъ въ Суздальскомъ полку. Весною 1769 г. сильный русскій отрядъ былъ назначенъ въ Польшу. Суворовъ командовалъ авангардомъ; такъ какъ обстоятельства требовали поспѣшнаго вмѣшательства, то Суворовъ быстро двинулся впередъ съ Суздальскимъ полкомъ и двумя эскадронами драгунъ. Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны, посадилъ пѣхотинцевъ на подводы, такъ же какъ и половину драгунъ для облегченія лошадей, и двинулся впередъ усиленно быстрыми переходами: въ 12 дней онъ изъ Минска явился къ Варшавѣ; одна колонна сдѣлала въ это время 560, а другая—600 верстъ.

Вскорѣ же по прибытіи въ Варшаву отрядъ Суворова вступилъ въ военныя дѣйствія и быстро одержалъ нѣсколько побѣдъ, одна за другой. Суворовъ былъ назначенъ въ очень трудный округъ—въ Люблинъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнилъ здѣсь свою систему дѣйствій: необыкновенно быстрыя движенія и неожиданныя нападенія доставляли ему побѣды надъ сильнѣйшимъ непріятелемъ и надъ извѣстными военачальниками. Между прочимъ подъ Ланцкороной онъ имѣлъ противъ себя Дюмурье. Насколько быстры были передвиженія Суворова, можно видѣть изъ того, что въ 17 сутокъ онъ сдѣлалъ около 700 верстъ, и за такими усиленными переходами постоянно слѣдовалъ бой, такъ что не было двухъ сутокъ подъ-рядъ безъ боя.

Насколько трудна была задача Суворова, какъ онъ ее исполнялъ, можно видѣть по тому, что онъ писалъ изъ Люблина въ 1770 году: «Здоровьемъ пооcлабъ; хлопотъ пропасть, почти непреодолѣваемыхъ; трудности, въ ихъ будущемъ, умножаются; во всѣ стороны наблюденія дистанціи, почти безмѣрной; неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое; неожидаемое въ необходимой нуждѣ подкрѣпленіе; слабость силъ»[1]).

Практика вполнѣ подтвердила важное значеніе системы, выработанной Суворовымъ. Введенное имъ обученіе войскъ оказалось дѣйствительно прекрасной подготовительной боевой школой. Быстрота передвиженій, преодолѣніе всякихъ препятствій и трудовъ, смѣлость нападенія, стойкость, всегдашняя готовность къ бою,—вотъ отличительныя особенности, которыя Суворовъ развилъ въ отрядѣ, ему порученномъ, и которыя обезпечили ему такой полный успѣхъ. Говоря о сраженіи при Ланцкоронѣ въ своей автобіографіи, Суворовъ въ наставленіе «молодымъ вождямъ» такъ формулируетъ свой образъ дѣйствій: «Непріятелю время давать не должно, пользоваться сколько можно его наималѣйшею ошибкой и брать его всегда съ слабѣйшей стороны; но *надлежитъ, чтобы войски предводителя своего разумѣли*»[2]). И Суворовъ именно умѣлъ достигнуть того, что войска его «разумѣли».

Если польская кампанія утвердила за Суворовымъ высокую боевую славу, если сорокалѣтній генералъ-майоръ (Суворовъ былъ произведенъ въ этотъ чинъ въ 1770 г.) вполнѣ оправдалъ репутацію, пріобрѣтенную за десять лѣтъ до того подполковникомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ война эта выказала Суворова еще съ новой стороны, очень важной

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 487.
[2]) Біографія А. В. Суворова, имъ самимъ писанная, стр. 9—10.

для оцѣнки его личности и дѣятельности. Будучи въ небольшомъ чинѣ, занимая второстепенное, подчиненное положенie, Суворовъ сумѣлъ своимъ отношенiемъ къ полякамъ выказать высокiй политическiй тактъ. Своими дѣйствiями, мягкостью къ населенiю, обереганiемъ его отъ грабежа и насилия, ласковымъ обращенiемъ съ тѣми, съ кѣмъ онъ лично приходилъ въ соприкосновенie, Суворовъ достигъ въ извѣстной мѣрѣ успокоенiя края: немало участниковъ конфедерации положили оружiе и вернулись въ свои дома. Суворовъ очень ласково и заботливо обращался съ плѣнными, приказывалъ кормить ихъ хорошо, «хотя бы то было и сверхъ надлежащей порцiи»; онъ указывалъ на то, что хорошее отношенiе къ плѣннымъ и къ дезертирамъ, къ положившимъ оружiе, очень важно и можетъ привести къ цѣли ближе, чѣмъ побѣды, «ибо благопрiятiе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитiе ихъ крови», и, «никакого злодѣя уничтожать не должно, а, оружiе низложивши, оказывать благоволенiе». Онъ проповѣдуетъ войскамъ, что цѣль ихъ дѣйствiй—миръ, умиротворенiе края. Онъ распространяетъ свою мягкость обращенiя даже на непрiятельскихъ шпiоновъ, которые обычно встрѣчаютъ такое суровое возмездiе. Свои заботы о справедливомъ отношенiи къ полякамъ Суворовъ доводилъ до того, что даже вмѣшивался въ чужiя распоряженiя. Такъ, онъ доносилъ однажды своему начальнику, что арестанты, присланные къ нему для дальнѣйшаго отправленiя, кажутся ему или невинными, или сомнительными, и просилъ указанiй, какъ быть ему въ такихъ случаяхъ[1]). Черезъ двадцать лѣтъ генералъ-фельдмаршалъ Суворовъ, взявшiй Варшаву, будетъ полнѣе и послѣдовательнѣе примѣнять

[1]) Петрушевскiй, стр. 44, 45, 60, 61, 63.

ту же систему умиротворенія, какою теперь въ меньшемъ размѣрѣ, но тоже успѣшно, пользовался генералъ-майоръ, побѣдившій при Ланцкоронѣ и при Сталовичахъ, взявшій краковскій замокъ.

Польская кампанія вскрыла еще одну черту въ Суворовѣ, которая является очень важною въ его послѣдующей дѣятельности, въ его личной судьбѣ. Отрядный начальникъ въ Люблинѣ стремился къ полному проведенію своей системы въ военныхъ дѣйствіяхъ, а такъ какъ несогласныя съ этой системой и иногда противорѣчивыя сами по себѣ предписанія начальства мѣшали этому, то Суворовъ допускалъ самостоятельныя дѣйствія, несогласныя съ этими предписаніями, но, по обстоятельствамъ, необходимыя для успѣха дѣла, допускалъ, другими словами, извѣстное нарушеніе дисциплины. Но такъ какъ, съ одной стороны, подобное отступленіе отъ распоряженій начальника возможно было лишь до извѣстной степени, а съ другой—оно приводило къ серьезнымъ неудовольствіямъ, то Суворовъ не могъ не тяготиться своимъ положеніемъ. И это не было случайнымъ явленіемъ, что онъ разссорился съ своимъ начальникомъ, генераломъ Веймарномъ, который сдѣлалъ ему множество непріятностей. Личность Веймарна играла здѣсь сравнительно неважную роль; подобныя же явленія повторялись и позднѣе постоянно: Суворовъ долго, почти до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, не имѣлъ вполнѣ самостоятельнаго положенія, приходилъ въ столкновеніе съ стоявшими выше его генералами, упорно и нетерпѣливо стремился къ самостоятельности и, какъ это ни странно, никакъ не могъ ея добиться. Мы еще вернемся дальше къ этому вопросу.

Въ данномъ случаѣ дѣло окончилось для Суворова благопріятно. Несмотря на жалобы со стороны Веймарна

и на предъявленныя рѣзкія обвиненія, Суворовъ не подвергся никакому взысканію: успѣхъ его дѣйствій и отсутствіе съ его стороны личныхъ расчетовъ помогли ему оправдаться. Подвиги Суворова во время этой польской кампаніи были оцѣнены, награждены: кромѣ производства въ слѣдующій чинъ, онъ получилъ анненскую и александровскую звѣзды, орденъ св. Георгія 3-й степени. Но всетаки положеніе его, несмотря на успѣхи въ военныхъ операціяхъ, несмотря на полученныя награды, было тяжело. Онъ много разъ выражалъ желаніе покинуть Польшу. Кромѣ столкновеній съ Веймарномъ, зависти и неудовольствій со стороны другихъ лицъ, Суворова тяготило и то, что, соразмѣрно съ затрачиваемымъ трудомъ, самое дѣло, ему порученное, и его результаты были невелики. Но вскорѣ и безъ новаго назначенія Суворову пришлось выступить изъ Польши, такъ какъ военныя дѣйствія были кончены и, по договору между Россіей, Австріей и Пруссіей, былъ произведенъ первый раздѣлъ Польши.

Послѣ боевой дѣятельности Суворову казались скучными обычныя упражненія мирнаго времени. Онъ не могъ оставаться спокоенъ, такъ какъ въ это время происходила война съ Турціей. Послѣ подвиговъ польской кампаніи Суворову было нетрудно получить переводъ въ южную армію. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, исполнивъ и особое порученіе въ Финляндіи, Суворовъ въ апрѣлѣ 1773 г. былъ назначенъ на Дунай, причемъ ему были выданы 2,000 р., высочайше пожалованныхъ ему на дорогу. Онъ немедленно выѣхалъ и явился къ Румянцову и уже въ началѣ мая ознаменовалъ себя новыми подвигами. Участіе Суворова въ войнѣ противъ турокъ окончательно выдвинуло его въ первые ряды русскихъ военачальниковъ и покрыло громкой славой. Начатое въ Пруссіи, подгото-

вленное и продолженное въ Польшѣ, получило окончательное развитіе на берегахъ Дуная.

IV.

Въ началѣ мая 1773 г. Суворовъ былъ уже въ Яссахъ у Румянцова, былъ назначенъ въ дивизію гр. Салтыкова и получилъ въ командованіе отрядъ, которому надо было дѣйствовать противъ Туртукая. Какъ извѣстно, дѣйствія Суворова дважды увѣнчались полнымъ успѣхомъ подъ Туртукаемъ. Дѣло было такое важное по своему общему значенію, такое блестящее по условіямъ исполненія, что Суворовъ самъ заявилъ свои права на орденъ Георгія второй степени. Суворовъ писалъ Салтыкову: «Подлинно мы были вчера veni, vidi, vici[1]), а мнѣ такъ первоучинка»... Суворовъ тутъ же заговариваетъ о георгіевской звѣздѣ, а въ другомъ письмѣ пишетъ: «Не оставьте, ваше сіятельство, моихъ любезныхъ товарищей, да и меня, Бога ради, не забудьте. Кажется, что я вправду заслужилъ георгіевскій второй классъ; сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется. Грудь и поломанный бокъ очень у меня болятъ»[2])... Суворовъ дѣйствительно получилъ Георгія второй степени.

За побѣдами подъ Туртукаемъ послѣдовали побѣды Суворова при Гирсовѣ и Козлуджи. О послѣдней битвѣ въ автобіографіи Суворова читаемъ: «Послѣднюю баталію въ турецкой войнѣ выигралъ я при Козлуджи предъ заключеніемъ мира... Люди наши шли во всю ночь и не успѣли принять пищу, какъ и строевыя лошади напоены не были.

---

[1]) Суворовъ приводитъ латинскую фразу въ искаженномъ видѣ: veni, vade, vince.

[2]) Петрушевскій, 81.

Лѣсъ прочистился, мы вступили въ маршъ впередъ... Хотя разныя покушенія отъ варварской арміи на насъ были, но безъ успѣха, а паче препобѣждены быстротою нашего марша и крестными пушечными выстрѣлами, какъ и ружейною пальбою съ соблюденіемъ огня... Былъ я на лошади часто въ огнѣ и трудномъ бою»[1]).

Вскорѣ послѣ окончанія турецкой войны Суворовъ былъ вызванъ къ Панину, смѣнившему покойнаго Бибикова въ войскахъ, которыя дѣйствовали противъ Пугачева. «Еще при жизни Бибикова,—читаемъ у Пушкина,—государственная коллегія, видя опасность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но графъ Румянцовъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова»[2]).

Суворовъ, послѣ этого промедленія, все-таки былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію въ Москву, откуда онъ поскакалъ къ Панину. О томъ, насколько быстро сдѣлалъ Суворовъ этотъ переѣздъ, мы узнаемъ изъ рескрипта Екатерины на его имя: «Увидѣвъ изъ письма генерала графа Панина, отъ 25-го числа августа, что вы наканунѣ того дня пріѣхали къ нему такъ скоро и налегкѣ, что, кромѣ испытаннаго вашего усердія къ службѣ, инаго экипажа при себѣ не имѣете, и что вы тотъ же часъ отправились паки на пораженіе враговъ имперіи, за такую хвалы достойную

---

[1]) Стр. 16—17.

[2]) «Исторія Пугачевскаго бунта» Пушкина. Сочин., издан. Литературнаго фонда, т. VI, стр. 70. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Пушкинъ поясняетъ: «Настоящая причина, по которой Румянцовъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову». И при такой версіи слава и значеніе Суворова выступаютъ опредѣленно. См. также Н. Дубровина «Пугачевъ и его сообщники», II, стр. 360.

проворную ѣзду весьма васъ благодарю, зная, что ревность ваша проводникомъ служила, и ни малѣйшее сумнѣніе не полагаю, что, призвавъ Бога въ помощь, предъ успѣете истребить сихъ злодѣевъ славы отечества вашего и общаго покоя, судя по природной вашей храбрости; дабы же скорѣе вы нужнымъ экипажемъ снабдиться могли, посылаю къ вамъ двѣ тысячи червонныхъ [1]). Суворовъ самъ такъ говоритъ о своихъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ: «Я спѣшилъ къ передовымъ командамъ и не могъ имѣть большаго конвоя; такъ и не иначе надлежало; но извѣстно ль, съ какою опасностію безчеловѣчной и безчестной смерти? Сумазбродныя толпы вездѣ шатались; на дорогѣ множество отъ нихъ тирански умерщвленныхъ и не стыдно мнѣ сказать, что я на себя принималъ злодѣйское имя; самъ не чинилъ нигдѣ, ниже чинить повелѣвалъ ни малѣйшей казни, развѣ гражданскую, и то однимъ безправнымъ зачинщикамъ, но усмирялъ человѣколюбивою ласковостью, обѣщаніемъ высочайшаго императорскаго милосердія». Про самое преслѣдованіе Пугачева по Уральской степи Суворовъ разсказываетъ: «По недостатку, провіанта почти съ собою не имѣлъ, но употреблялъ вмѣсто того рогатую скотину засушеніемъ на огнѣ мяса съ солью»... При такомъ веденіи дѣла, Суворовъ сталъ быстро нагонять Пугачева, который вскорѣ и былъ выданъ, хотя и не Суворову, но, какъ можно думать, именно подъ вліяніемъ преслѣдованій со стороны Суворова. Вопросъ о томъ, какъ и почему былъ выданъ Пугачевъ, кто былъ виновникомъ захвата его, возбуждалъ тогда ревнирыя пререканія. У Суворова оспаривали вовсе эту честь; въ этомъ смыслѣ старались выставить дѣло и передъ императрицей, которая писала о поимкѣ Пугачева: «Суворовъ

---

[1]) Приложенія къ автобіографіи, стр. 25. Тоже въ «Сборникѣ русскаго историческаго Общества», XIII, стр. 441.

тутъ участія болѣе не имѣлъ, какъ Томасъ (комнатная собачка Екатерины), а пріѣхавъ по окончаніи дракъ и по поимкѣ злодѣя». Между тѣмъ Панинъ приписалъ Суворову большое участіе въ дѣлѣ. Самъ Суворовъ въ своей автобіографіи справедливо указываетъ, что «быстрота марша первое искусство» и что бунтовщики рѣшились выдать Пугачева, испугавшись быстроты партій, которыя были посланы Суворовымъ, и искуснаго сближенія ихъ. «Чего же ради они его прежде не связали?.. Почто не отдали мнѣ? Потому что я былъ имъ непріятель, и весь разумный свѣтъ скажетъ, что въ Уральскѣ уральцы имѣли больше пріятелей»...

Какъ бы то ни было, участіе Суворова въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева отличалось обычной для него быстротой и рѣшительностью. Очень характерно, что Суворовъ и тутъ примѣнилъ опять ту же систему милосердія, какую онъ раньше старался развить въ Польшѣ. Сейчасъ мы видѣли, какъ онъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи; тамъ же онъ въ концѣ опять поясняетъ: «въ слѣдующее время моими политическими распоряженіями и маневрами военными буйство башкирцевъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, но паче императорскимъ милосердіемъ»[1]).

По усмиреніи Пугачевскаго бунта мы видимъ Суворова командиромъ войскъ, расположенныхъ на Кубани, въ Астрахани. Здѣсь опять Суворовъ, въ случаѣ нужды, совершалъ трудные и побѣдоносные походы противъ немирныхъ туземцевъ, но онъ достигалъ умиротворенія края главнымъ образомъ посредствомъ ласковаго обращенія съ жителями, посредствомъ заботы объ ихъ интересахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ заботился о развитіи и укрѣпленіи нашего поло-

---

[1]) Стр. 16—18.

женія въ этихъ краяхъ. По отзыву одного изъ историковъ Кавказа, Суворовъ «навсегда останется передовымъ двигателемъ въ устройствѣ Кавказскаго края»[1]). Въ запискахъ одного изъ кавказскихъ дѣятелей читаемъ: «Мы прошли Фанагорійскую крѣпость, постройки Суворова. Гдѣ не былъ этотъ человѣкъ, гдѣ не оставилъ онъ слѣдовъ своихъ, имени своего!»[2]).

Началась вторая турецкая война. Суворовъ былъ, конечно, назначенъ въ дѣйствующую армію съ подчиненіемъ Репнину и Потемкину. Вскорѣ Суворовъ одержалъ новыя и новыя побѣды, слава его, большая уже и до того, быстро возрастала не только потому, что новая слава прибавлялась къ старой, но и потому, что она оказывалась выше, блестящѣе старой.

Не буду передавать о ходѣ дѣла подъ Кинбурномъ, завершоннаго Суворовымъ съ такимъ успѣхомъ; вмѣсто того приведу только выдержки изъ его писемъ этого времени къ дочери, воспитывавшейся тогда въ Смольномъ институтѣ. Въ планы моихъ статей не входитъ останавливаться на семейныхъ отношеніяхъ, вообще на частной жизни Суворова;[3]) но выдержки изъ писемъ Суворова къ дочери покажутъ намъ и характеръ дѣятельности Суворова подъ

---

[1]) *Русскій Архивъ*. 1873 г., стр. 741—776, «О кавказскихъ правителяхъ».

[2]) *Русскій Архивъ*. 1874 г., I, стр. 381, Записки Лорера.

[3]) Объ этомъ см. въ книгѣ Петрушевскаго, стр. 172 и слѣд., въ «Русск. Старинѣ» за 1900 г. № 5, въ письмахъ Суворова къ Турчанинову и неизвѣстному и въ книгѣ: «Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ» М. Б. Стремоухова и П. Н. Симанскаго. М. 1900 г., глава IX «Суворовъ—внѣ войны и боя». Въ этой послѣдней книгѣ помѣщено очень большое количество портретовъ Суворова и современныхъ ему военныхъ дѣятелей, а также снимковъ съ картинъ, каррикатуръ, плановъ, медалей, статуй и другихъ произведеній художниковъ, имѣющихъ отношеніе къ жизни и дѣятельности Суворова. *(Примѣч. К. С.)*.

Кинбурномъ, его настроеніе тогда, откроютъ между прочимъ такую черту, съ которой мы еще не встрѣчались, а вмѣстѣ съ тѣмъ обрисуютъ и любовь его къ знаменитой «Суворочкѣ».

Въ декабрѣ 1787 г. Суворовъ пишетъ дочери: «У насъ все были драки, сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы, а какъ вправду потанцовали, то я съ балету вышелъ: въ бокъ пушечная картечь, а въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театра въ камеру. Я теперь только-что поворотился, выѣздилъ близь пятисотъ верстъ верхомъ въ шесть дней, а не ночью. Какъ же весело въ Черномъ морѣ на лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерлядки, осетры пропасть!» Въ мартѣ 1788 г. Суворовъ пишетъ дочери: «Милая моя Суворочка! Письмо твое отъ 31-го генваря получилъ. Ты меня такъ имъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ»... Въ іюнѣ опять письмо: «Голубушка Суворочка, цалую тебя. Ты меня еще потѣшила письмомъ отъ 30-го апрѣля. Коли Богъ дастъ, будемъ живы, здоровы и увидимся, я радъ съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ героях, лишь научи меня, чтобы я имъ послѣдовалъ».

Кстати приведу еще выдержку изъ письма уже 1789 г., нарушая хронологическую послѣдовательность: выдержка эта дополняетъ сейчасъ приведенныя. Въ августѣ 1789 г. изъ Берлада Суворовъ писалъ: «Суворочка, душа моя, здравствуй! Mes baisemains a Софья Ивановна (начальницѣ Смольнаго). Поцалуй за меня сестрицъ (смолянокъ). У насъ стрепета поютъ, зайцы летаютъ, скворцы прыгаютъ на воздухъ по возрастамъ; я одного поймалъ изъ гнѣзда, кормили изъ роту, а онъ и ушелъ домой... Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣстъ изъ рукъ...

Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими кеглями желѣзными, насилу подымешь, да свинцовымъ горохомъ: коли въ глазъ попадетъ, то и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы тебѣ полевыхъ цвѣтковъ, очень хороши, да дорогой высохнуть»[1]). Чувство природы, которому, очевидно, Суворовъ такъ поддавался, является для насъ новою чертой въ его личности.

Въ эту войну Суворову пришлось дѣйствовать совмѣстно съ австрійскими войсками. Въ январѣ 1789 г. Суворовъ получилъ отъ ближайшаго австрійскаго генерала, принца Кобургскаго, просьбу о подкрѣпленіи. Суворовъ двинулся немедленно, выбравъ кратчайшую, но трудную дорогу. Онъ сдѣлалъ переходъ въ 50 верстъ при неблагопріятныхъ условіяхъ, употребивъ на это 28 часовъ. По прибытіи Суворова Кобургъ просилъ личнаго свиданія, но Суворовъ уклонился отъ этого: Кобургъ былъ старше Суворова въ чинѣ, и такъ какъ было мало вѣроятія, что онъ согласится на планъ Суворова, то послѣдній и рѣшилъ обойтись безъ личныхъ переговоровъ. Къ вечеру Кобургъ получилъ записку Суворова; русскій генералъ объяснялъ, что выступать надо въ два часа ночи, что русскіе займутъ центръ колонны, что надо атаковать главныя силы непріятеля, не занимаясь мелкими поисками въ стороны; жаль, что тутъ только пятьдесятъ тысячъ турокъ, а другіе пятьдесятъ тысячъ дальше: лучше было бы покончить съ ними разомъ. Кобургъ принялъ столь кратко изложенную диспозицію Суворова, и дѣло увѣнчалось полной и блистательной побѣдой надъ непріятелемъ, вдвое сильнѣйшимъ. Послѣ битвы Суворовъ и Кобургъ съѣхались впервые вмѣстѣ и дружно обнялись[2]).

---

[1]) *Русскій Архивъ*. 1866, 934—938.
[2]) Петрушевскій, 205—209.

После побѣды при Фокшанахъ Суворовъ былъ за наступательныя дальнѣйшія дѣйствія и говорилъ: «На что колоть тупымъ оружіемъ?» Но онъ долженъ былъ подчиниться распоряженіямъ Репнина и отойти назадъ. «Мнѣ не очень было весело, что надо было вернуться назадъ,— писалъ Суворовъ,—уповали бы на Бога, могъ бы быть и конецъ». Прошло около двухъ мѣсяцевъ, Суворовъ вновь получилъ призывъ отъ Кобурга. Онъ не придалъ почему-то значенія первому гонцу и не выступилъ; черезъ сутки получено другое извѣщеніе о томъ, что турки сильно наступаютъ и заутро можно ждать боя. Суворову пришлось вознаграждать упущенное время. Онъ теперь выступилъ немедля, ночью. Погода была неблагопріятная. Проливной дождь съ бурей не только испортилъ дорогу, но и затруднилъ переправы черезъ рѣчки. Движеніе очень замедлялось, но турки не торопились, и въ концѣ-концовъ Суворовъ не опоздалъ. Его страшно волновали дорогой опасенія, что битва можетъ разыграться до его прихода. Насколько онъ былъ напряженно взволнованъ, можно судить по тому, что онъ выступилъ въ походъ совершенно больной, въ лихорадкѣ, а по дорогѣ, подъ бурей и ливнемъ, онъ совершенно выздоровѣлъ: отъ лихорадки не осталось и слѣда. Какъ только Суворовъ соединился съ принцемъ Кобургскимъ, такъ состоялось совѣщаніе о предстоящемъ дѣйствіи. Суворовъ предложилъ немедленно, не дожидаясь атаки, ударить самимъ на турокъ. Кобургъ сомнѣвался, колебался, указывалъ, что турокъ вчетверо больше. Суворовъ отвѣчалъ, что въ виду такого неравенства силъ и можно разсчитывать на успѣхъ лишь при быстрой, неожиданной атакѣ, а если австрійцы сомнѣваются, то онъ ударитъ на турокъ одинъ. Кобургъ, наконецъ, подчинился, и союзныя войска напали на турецкую армію при рѣчкѣ Рымникъ.

Планъ Суворова вполнѣ удался. 25 тысячъ союзнаго войска разбили турокъ, которыхъ было отъ 90 до 115-ти тысячъ.

За рымникскую побѣду, которая была, какъ и при Фокшанахъ, дѣломъ всецѣло Суворова, послѣднiй получилъ графскiй титулъ, русскiй и австрiйскiй, съ присоединенiемъ къ фамилiи прозванiя «Рымникскiй». Кромѣ того, онъ былъ награжденъ орденомъ Георгiя 1-й степени.

Рымникская побѣда была наиболѣе славная изъ всѣхъ одержанныхъ до тѣхъ поръ Суворовымъ. Но скоро взятiе штурмомъ Измаила заслонило своимъ блескомъ и Рымникъ.

Еще въ началѣ войны Потемкинъ желалъ воспользоваться Суворовымъ при осадѣ Очакова, но тамъ они не поладили. Суворовъ не могъ равнодушно переносить медленности и нерѣшительности блистательнаго князя Тавриды. Онъ переложилъ слова пѣсни и говорилъ:

Я на камешкѣ сижу,
На Очаковъ я гляжу...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Суворовъ долженъ былъ уѣхать изъ-подъ Очакова. Но, несмотря на это крупное неудовольствiе, Потемкинъ не могъ не цѣнить высоко дарованiй Суворова, его всегдашнихъ успѣховъ. Въ письмахъ Потемкина къ Суворову за время этой войны встрѣчаемъ такiе отзывы: «Я не нахожу словъ изъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу»... «Мой другъ сердешной, ты своею персоною больше десяти тысячъ и, ей-ей, говорю чистосердешно»[1]).

Война, несмотря на успѣхи, на побѣды Суворова, очень затянулась. Въ общихъ дѣйствiяхъ не было достаточно энергiи и послѣдовательности. Между прочимъ осада Измаила не приводила ни къ чему. Потемкинъ рѣшился,

---

[1]) *Русская Старина*. 1875, май, стр. 21 и 39.

наконецъ, призвать подъ Измаилъ Суворова. Онъ послалъ ему 25-го ноября ордеръ принять командованіе надъ войсками, осаждавшими крѣпость, и писалъ ему: «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Поспѣши, мой милостивый другъ». Черезъ четыре дня послѣдовалъ новый ордеръ: Потемкинъ получилъ донесеніе изъ-подъ Измаила,—тамъ на военномъ совѣтѣ рѣшено было снять осаду и отступить. Потемкинъ не могъ не поддаться этому впечатлѣнію и писалъ Суворову: «Я, получа сейчасъ о томъ рапортъ, предоставляю вашему сіятельству поступить тутъ по вашему усмотрѣнію продолженіемъ ли предпріятія на Измаилъ или оставленіемъ онаго». Но Потемкинъ все-таки надѣялся (и не напрасно), что Суворовъ не откажется отъ взятія Измаила, и писалъ ему: «Даруй Боже тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, счастія и здоровья: желаю отъ искренняго сердца».

Суворовъ поскакалъ къ Измаилу съ конвоемъ въ сорокъ казаковъ и послалъ приказъ, чтобы войска вернулись на свои позиціи подъ крѣпость. Суворовъ настолько спѣшилъ, что оставилъ по дорогѣ и тотъ небольшой конвой, который его сопровождалъ сначала. Раннимъ утромъ 2-го декабря 1790 г. къ русскому лагерю подъ Измаиломъ подъѣхали два всадника: то былъ Суворовъ въ сопровожденіи одного казака, который везъ въ узелкѣ весь багажъ генерала. По лагерю раздались привѣтственные клики и салюты изъ орудій: войска узнали героя-побѣдоносца.

По пріѣздѣ подъ Измаилъ Суворовъ подробно и внимательно ознакомился съ положеніемъ дѣла и увидѣлъ, что задача передъ нимъ стоитъ болѣе трудная, чѣмъ можно было предполагать. Крѣпость была сильная, снабженная всѣмъ нужнымъ, и съ гарнизономъ, доходившимъ до 40,000 человѣкъ. Но Суворова не остановили трудности и препятствія. Онъ созвалъ военный совѣтъ, и теперь при

Суворовѣ заключеніе совѣта было обратное тому, какое онъ-было постановилъ недѣли за двѣ ранѣе: «Приближаясь къ Измаилу по диспозиціи, приступить къ штурму неотлагательно... Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ ея императорскаго величества войскамъ». Это было постановлено 9-го декабря, штурмъ былъ назначенъ къ утру на одиннадцатое число. Суворовъ совсѣмъ не ложился въ эту ночь и ходилъ отъ бивака къ биваку, разговаривая съ солдатами, напоминая имъ прежніе походы, одержанныя побѣды. Въ три часа ночи началось по сигнальной ракетѣ движеніе штурмующихъ колоннъ, къ восьми часамъ утра всѣ внѣшнія ограды и укрѣпленія Измаила были въ рукахъ русскихъ, а къ 4-мъ часамъ дня все было кончено: крѣпость была взята послѣ жестокаго боя. Русскихъ было отъ 28 до 31 тысячи; они взяли первоклассную крѣпость, которую защищала цѣлая армія въ 40 тысячъ человѣкъ; они, можно сказать, уничтожили непріятеля: убитыхъ турокъ было до 26 тысячъ, да плѣнныхъ до 9 тысячъ.

Изъ приведенныхъ сейчасъ цифръ видно, какою жестокостью отличался штурмъ Измаила. Взятіе крѣпости было соединено съ грабежомъ. Штурмъ Измаила служитъ главнымъ основаніемъ къ тяготѣющему надъ Суворовымъ обвиненію въ кровожадной жестокости и варварствѣ. Извѣстно, какими чертами, наприм., изображенъ этотъ штурмъ въ «Донъ-Жуанѣ» Байрона. Но, несмотря на все кровопролитіе и грабежи, сопровождавшіе взятіе Измаила, обвиненіе Суворова въ жестокости совершенно невѣрно и въ данномъ случаѣ и вообще. Суворовъ не только не былъ жестокъ, онъ былъ, напротивъ, чрезвычайно добръ и менѣе всего кровожаденъ. Какъ это ни странно, но генералъ, одержавшій столько кровавыхъ побѣдъ, всегда бережно относился къ человѣческой жизни. Сдержанный вообще

въ наложенiи наказанiй, какъ мы раньше видѣли, Суворовъ ни разу не утвердилъ смертнаго приговора. Конечно, побѣды, одержанныя Суворовымъ, были по большей части очень кровавыя, но это было неизбѣжно, особенно при суворовской системѣ атакъ и рукопашнаго боя, тѣмъ болѣе при такихъ штурмахъ, какъ измаильскiй. Но Суворовъ всегда старался охранить, насколько возможно, жизнь и безопасность сдающихся и плѣнныхъ; онъ отдавалъ приказы о пощадѣ безоружныхъ, дѣтей, женщинъ. Такъ, въ его приказѣ передъ приступомъ на Прагу (этотъ приступъ тоже служитъ для особыхъ обвиненiй противъ Суворова) читаемъ: «Просящихъ пощады щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтокъ не трогать». И такiя распоряженiя Суворовъ отдавалъ всегда, заботясь дѣйствительно о томъ, чтобы не было напраснаго кровопролитiя и жестокости. Конечно, Суворову далеко не всегда удавалось достигнуть желательнаго ему смягченiя, но мы должны цѣнить его вполнѣ опредѣленныя дѣйствiя въ этомъ направленiи. Во время итальянскаго похода Суворовъ могъ быть сравниваемъ въ этомъ отношенiи съ знаменитымъ Нельсономъ или съ Массеной, и преимущества оказывались на сторонѣ Суворова, котораго такъ несправедливо обвиняютъ въ кровожадности и жестокости.

То же самое надо сказать относительно грабежей. Военный грабежъ былъ тогда въ нравахъ времени, практиковался во всѣхъ европейскихъ армiяхъ. Но Суворовъ всегда старался ограничить его примѣненiе. Онъ признавалъ, что послѣ приступа добыча составляетъ законное право побѣдителей, видѣлъ въ этомъ извѣстный стимулъ для возбужденiя храбрости въ войскѣ; въ его «катехизисѣ» говорилось: «Возьмешь лагерь—все твое, возьмешь крѣпость—все твое». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда боролся противъ ограбленiя

жителей помимо штурма, заботился о неприкосновенности частнаго имущества при проходѣ его войскъ, строго взыскивая за мародерство. «Помилуй Богъ,—говорилъ онъ,—солдатъ не разбойникъ, жителей не обижать». И въ общемъ выводѣ надо сказать, что войска Суворова вели себя относительно жителей гораздо лучше и сдержаннѣе, чѣмъ это было у другихъ русскихъ генераловъ, чѣмъ это практиковалось въ другихъ европейскихъ арміяхъ того времени. Надо прибавить, что Суворовъ никогда ничего не бралъ себѣ изъ военной добычи. Въ Измаилѣ онъ отказался даже взять прекрасную лошадь, ему подведенную, сказавъ, что онъ пріѣхалъ въ Измаилъ на казачьей лошади, на ней же и уѣдетъ. Солдаты говорили про Суворова, что онъ во всемъ съ ними въ паю, кромѣ добычи [1]).

Послѣ взятія Измаила, когда Суворовъ пріѣхалъ къ Потемкину, послѣдній встрѣтилъ побѣдителя объятіями и спросилъ: «Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?» Суворовъ, прежде пользовавшійся покровительствомъ Потемкина, хотя и не всегда съ нимъ ладившій, теперь, считая, что своими побѣдами и подвигами онъ, наконецъ, завоевалъ себѣ право быть самостоятельнымъ и не зависѣть ни отъ какого другого генерала ни въ дѣйствіяхъ, ни въ наградахъ, отвѣчалъ на вопросъ Потемкина: «Ничѣмъ, князь, я—не купецъ, я не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни, никто меня наградить не можетъ». Потемкинъ поблѣднѣлъ отъ такого неожиданнаго заявленія и отнесся послѣ этого къ Суворову очень холодно [2]). Побѣдитель подъ Измаиломъ еще не достигъ самостоятельности, столь имъ желанной и столь ему нужной не для удовлетворенія личнаго честолюбія, а для пользы дѣла.

---

[1]) Петрушевскій, 245, 334, 335, 342.
[2]) Тамъ же, 249.

V.

Послѣ окончанія турецкой войны, въ которую Суворовъ такъ прославилъ себя, его служебное положеніе, служебная дѣятельность оказались не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ были раньше. Герой Измаила не только не былъ награжденъ такъ, какъ имѣлъ право разсчитывать, но даже подпалъ подъ нѣкоторую немилость. Мы видѣли, что Суворовъ, увѣренный въ безспорности и важности своихъ заслугъ, рѣзко отказался отъ покровительства Потемкина. Это отразилось на отношеніи Екатерины къ Суворову. Послѣдній не получилъ даже званія генералъ-адъютанта, что̀ первоначально предлагалъ для него даже самъ Потемкинъ. Когда въ Петербургѣ готовился великолѣпный праздникъ въ честь побѣдоноснаго окончанія турецкой войны, въ особенности въ честь славнаго штурма Измаила, самъ герой этого подвига былъ удаленъ отъ празднества и посланъ въ Финляндію для наблюденія за работами по сооруженію укрѣпленій. Герой измаильскаго штурма былъ оставленъ въ тѣни, получилъ попрежнему второстепенное дѣло, попрежнему долженъ былъ довольствоваться зависимымъ положеніемъ, второстепеннымъ мѣстомъ. Все это не могло не вызывать въ Суворовѣ очень тяжелаго чувства, и измаильская слава обратилась для него въ «измаильскій стыдъ», какъ онъ выражался.

Суворовъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ въ Финляндіи, недоволенъ тѣми придирками, о которыхъ я упоминалъ уже раньше, по поводу госпитальнаго вопроса. Онъ отправился вскорѣ на Югъ, въ Херсонъ, но и тамъ его положеніе было непріятное, и тамъ возникли недоразумѣнія по поводу хозяйственной части, на него былъ сдѣланъ вполнѣ неосновательно крупный начетъ, такъ что Суворовъ

собирался уже продать имѣніе, но дѣло окончилось благополучно. Суворову было много работы; отношенія съ Турціей были натянутыя, и ему надо было заботиться о томъ, чтобы, какъ онъ выражается въ одномъ изъ писемъ, «преоборотъ нечаянность готовностью». Какъ и на войнѣ, ему здѣсь приходилось постоянно повсюду разъѣзжать, за всѣмъ лично смотрѣть («День и ночь я былъ всемѣстенъ»). Результаты его трудовъ были очень замѣтны, да и самое появленіе его на Югѣ произвело уже свое впечатлѣніе на турокъ. Въ январѣ 1793 г. нашъ резидентъ въ Константинополѣ писалъ Суворову: «Одинъ слухъ о бытіи вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ, и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованію намъ дѣлаются» [1]).

То, что для другого представляло бы поглощающую дѣятельность, было недостаточно для Суворова, не могло удовлетворить его. Еще будучи въ Финляндіи, онъ страшно мучился тѣмъ, что его не послали въ Польшу по случаю возникшихъ тамъ военныхъ дѣйствій. Теперь, въ началѣ 1794 г., опять происходили осложненія въ польскихъ дѣлахъ, и Суворовъ опять всей душой стремится въ дѣйствующую арміи. Онъ писалъ своему родственнику Хвостову въ Петербургъ: «Въ непрестанной мечтѣ, пока я не въ Польшѣ; тамъ бы я въ сорокъ дней кончилъ». Суворовъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Польшѣ, на что онъ могъ бы вполнѣ расчитывать: дѣло было поручено престарѣлому Румянцову. Но послѣдній обратился къ содѣйствію Суворова. Мечта измаильскаго героя на этотъ разъ исполнилась, польскій походъ не миновалъ его, но онъ выступилъ

[1]) *Русскій Архивъ*. 1878, I, стр. 141 и 143. (Изъ бумагъ фельдмаршала князя Суворова).

опять въ зависимомъ положенiи, былъ опять въ подчиненiи у Румянцова. Суворовъ, при своемъ характерѣ, дѣйствовалъ въ походѣ самостоятельно, но зависимость отъ Румянцова все-таки лежала на немъ лишними путами.

Въ приказѣ Румянцова о назначенiи Суворова начальникомъ отряда говорилось, что онъ «всегда былъ ужасомъ поляковъ и турокъ» и что «имя его подѣйствуетъ лучше многихъ тысячъ». Суворовъ быстро и вполнѣ оправдалъ надежду Румянцова. Назначенiе Суворова производило впечатлѣнiе на поляковъ, и потому главари движенiя стали распускать слухъ, что въ Польшу явился вовсе не герой Ланцкороны и Столовичей, Рымника и Измаила, а только его однофамилецъ [1]). Но дѣйствiя русскаго войска скоро показали, кто стоялъ во главѣ его. Суворовъ исполнилъ свое обѣщанiе—кончить въ сорокъ дней [2]).

Какъ только Суворовъ получилъ новое назначенiе, онъ немедленно двинулся съ небольшимъ отрядомъ въ 4,500 человѣкъ, разославъ приказы о выступленiи другихъ частей, которыя должны были поступить подъ его команду. Все движенiе было разсчитано у Суворова, какъ всегда, на быстроту. Онъ шелъ почти безъ обоза. Хотя была уже осень, сентябрь, но для ускоренiя дѣла Суворовъ двинулся въ лѣтнемъ обмундированiи, въ кителяхъ, захвативъ только плащи. И самъ онъ, какъ всегда, переносилъ всѣ трудности похода наравнѣ съ солдатами. Онъ также былъ въ кителѣ, весь походъ онъ ѣхалъ верхомъ, постоянно объѣзжая двигавшiяся части и разговаривая съ солдатами; весь его багажъ помѣщался въ одной кибиткѣ, а вся прислуга его состояла изъ его лакея Прохора, повара и казака. Ночами

---

[1]) Петрушевскiй, стр. 301—303, 317.

[2]) За вычетомъ невольной остановки въ Брестѣ, Суворовъ кончилъ кампанiю въ сорокъ пять дней. См. Петрушевскiй, стр. 357.

солдаты нерѣдко мерзли въ своихъ кителяхъ, но съ ними мерзъ и самъ Суворовъ; это, какъ само собою понятно, не могло не дѣйствовать на всѣхъ ободряющимъ образомъ. Суворовъ надѣлъ суконную куртку вмѣсто кителя только тогда, когда уже подъ Варшавой, т.-е. во второй половинѣ октября, солдатамъ были розданы мундиры.

Опускаю всѣ подробности кампаніи, тѣхъ сраженій, которыя одно за однимъ выигрывалъ Суворовъ, часто съ силами, которыя были гораздо малочисленнѣе непріятельскихъ; не буду говорить о штурмѣ Праги, о занятіи Варшавы. Остановлюсь только на вопросѣ объ отношеніяхъ Суворова къ полякамъ. Раньше уже было упомянуто, что кровопролитный штурмъ Праги вызвалъ сильныя обвиненія противъ Суворова въ жестокости, въ кровожадности. Очень понятно, что штурмъ большой крѣпости, защищаемой значительнымъ гарнизономъ, при взаимномъ озлобленіи среди враждующихъ войскъ, не могъ не сопровождаться многими жертвами. Но Суворовъ принялъ мѣры къ защитѣ жизни безоружныхъ гражданъ, указалъ имъ убѣжище, охранялъ ихъ. Насколько онъ былъ далекъ отъ приписываемой ему жестокости, видно изъ того, что онъ, зная, какъ трудно было бы удержать разъяренныя штурмомъ войска отъ убійства и грабежа въ самой Варшавѣ, въ случаѣ немедленнаго ея занятія, распорядился зажечь мостъ, который соединялъ Прагу съ Варшавой; такимъ образомъ Варшава уцѣлѣла въ этотъ день, а когда затѣмъ она, послѣ переговоровъ черезъ депутатовъ, сдалась на капитуляцію, Суворовъ не только далъ ей самыя льготныя условія, но и принялъ всѣ мѣры, чтобы городъ нисколько не пострадалъ при вступленіи русскихъ войскъ. Городское управленіе Варшавы поднесло Суворову золотую эмальированную табакерку съ лаврами изъ брилліантовъ, съ гербомъ города

Варшавы съ надписью Warczawa Zbawcy swemu (Варшава избавителю своему). Все это можетъ служить хорошимъ отвѣтомъ на обвиненія противъ Суворова, которыя тогда распространялись (они нашли между прочимъ себѣ выраженіе въ карикатурахъ); обвиненія эти повторяются въ иностранной литературѣ и теперь, а между тѣмъ они совершенно несогласны съ дѣйствительностью.

Раньше мы видѣли, что Суворовъ примѣнялъ, какъ лучшее средство замиренія, милостивое и заботливое отношеніе къ населенію и во время первой польской войны, и въ степяхъ уральскихъ, и на Кубани. И теперь онъ широко и послѣдовательно проводилъ ту же систему въ Польшѣ. Онъ объявилъ амнистію, освободилъ многихъ военноплѣнныхъ, содѣйствовалъ возстановленію польскаго правительства. Всѣмъ явившимся къ нему полякамъ онъ выдавалъ паспорты на свободное проживаніе повсемѣстно, не налагалъ тяжелыхъ контрибуцій, не занимался конфискаціей имѣній, старался умиротворить край на основѣ заботы и довѣрія. Если Суворовъ даже въ военномъ отношеніи не былъ самостоятельнымъ главнокомандующимъ, то тѣмъ болѣе онъ не былъ независимъ въ веденіи политическихъ дѣлъ. Его мягкое отношеніе къ побѣжденнымъ было для него возможно только потому, что въ Петербургѣ не ждали столь быстраго окончанія кампаніи и не успѣли дать Суворову соотвѣтствующихъ инструкцій. Но въ Петербургѣ были очень недовольны дѣйствіями Суворова въ Польшѣ, многія изъ принятыхъ имъ мѣръ были даже отмѣнены, другія были признаны противъ воли. Въ перепискѣ того времени мы находимъ много указаній на общее неудовольствіе мягкостью Суворова. Если Завадовскій находилъ, что дѣйствія Суворова имѣютъ свое оправданіе, и писалъ гр. Воронцову по этому поводу: «Нарекали на Суворова,

что онъ все предалъ забвенію и всѣхъ простилъ, а онъ говоритъ, что у поляковъ ничего не осталось: изъяты пожитки, вся артиллерія, безъ изъятія всѣ вооруженія, а вмѣсто того дано имъ 24,000 пашпортовъ. Острый и значущій отвѣтъ»,—то Трощинскій писалъ Воронцову же: «Всѣ чувствуютъ ошибку гр. Суворова, что онъ съ Варшавы не взялъ большой контрибуціи, но не хотятъ его въ томъ исправить изъ смѣха достойнаго уваженія къ тѣмъ обѣщаніямъ, какія онъ далъ безпредѣльно и самымъ злѣйшимъ полякамъ о забвеніи всего прошедшаго и о неприкосновенности ни къ ихъ лицамъ, ни къ ихъ имѣніямъ». «Правду сказать,—читаемъ въ другомъ письмѣ того же лица,—гр. Суворовъ великія оказалъ услуги взятьемъ Варшавы и истребленіемъ всего мятежническаго ополченія, но зато уже несносно досаждаетъ несообразными своими тамъ распоряженіями. Всѣхъ генерально поляковъ, не исключая и главныхъ бунтовщиковъ... отпускаетъ свободно въ ихъ домы, давая открытые листы... Вопреки сему посланы къ нему прямо повелѣнія, и пока онъ ихъ получитъ, много надѣлаетъ вздору» [1]. Князь Безбородко въ письмѣ къ А. Р. Воронцову выражаетъ сожалѣніе, что Суворову не дали съ самаго начала инструкціи, какъ онъ предлагалъ. «Суворовъ взялъ на себя слишкомъ видъ большой кротости»,—поясняетъ онъ въ другомъ письмѣ [2]. Тотъ же Безбородко писалъ Репнину: «Гр. Суворовъ не нашелся при занятіи Варшавы въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ... Теперь опасаюся не столько трудностей, по негоціаціи подлежащихъ, сколько того, чтобы гр. Александръ Васильевичъ, заранѣе не наставленный, не нанесъ намъ безпокойствъ съ неугомонными поляками» [3]. Такимъ образомъ политическая система, при-

---

[1]) «Архивъ князя Воронцова», т. XII, стр. 142, 384.
[2]) «Архивъ князя Воронцова», т. XIII, стр. 321, 339.
[3]) «Сборникъ Русскаго Историческаго О-ва», т. XVI, стр. 60 и 61.

нятая Суворовымъ въ Польшѣ, не разъ проводимая имъ и раньше, вовсе не была понятна, была искажена распоряженіями изъ Петербурга, вызвала сильное неудовольствіе противъ самого Суворова.

За взятіе Варшавы Суворовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы. Только теперь онъ получилъ награду, которую давно заслужилъ и которая могла до извѣстной степени обезпечить ему ту самостоятельность, о которой онъ всю жизнь мечталъ.

Екатерина пожаловала Суворова въ фельдмаршалы при рескриптѣ, въ которомъ говорилось, что не она, а самъ Суворовъ произвелъ себя своими побѣдами въ фельдмаршалы, нарушивъ старшинство, отъ котораго она отступать не любитъ. Суворовъ былъ въ восторгѣ отъ полученнаго званія и хорошо понималъ, что нарушеніе старшинства, хотя бы и «домосѣдовъ» [1]), дѣло нелегкое. Когда онъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ, онъ устроилъ одну изъ своихъ чудаческихъ выходокъ. Онъ приказалъ поставить въ линію съ промежутками нѣсколько стульевъ и сталъ перепрыгивать ихъ одинъ за однимъ, приговаривая послѣ каждаго прыжка: «Репнина обошелъ», «Салтыкова обошелъ», «Прозоровскаго обошелъ», и, назвавъ такъ всѣхъ генералъ-аншефовъ, которые были старше его,—онъ облекся въ форму генералъ-фельдмаршала.

Польскою кампаніей и дѣятельностью по умиротворенію Польши заключилась служба Суворова при Екатеринѣ. Онъ достигъ высшаго военнаго званія и необычайной военной славы. Но оказалось, что и въ томъ, и въ другомъ отношеніи онъ не дошелъ еще до своего предѣла. Дальнѣйшее возвышеніе воинской славы Суворова относится уже къ царствованію Павла. Но прежде чѣмъ перейти къ послѣд-

---

[1]) Выраженіе по этому поводу кн. Безбородка. «Архивъ Воронцова», т. XIII, стр. 317.

нему періоду жизни Суворова, слѣдуетъ еще остановиться на двухъ важныхъ чертахъ его характера.

Только что было упомянуто о выходкѣ Суворова по случаю производства его въ генералъ-фельдмаршалы. Чудачество составляло вообще, какъ извѣстно, постоянную и сильно развитую особенность Суворова. До насъ дошло громадное количество анекдотовъ о различныхъ выходкахъ и шуткахъ Суворова; анекдоты эти отчасти недостовѣрны, вымышлены, отчасти передаются подъ неправильнымъ освѣщеніемъ и чудачество Суворова благодаря этому получаетъ въ нашихъ глазахъ необычайные размѣры. Съ одной стороны, надо помнить, что своей славою чудака Суворовъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ слоямъ общества, которые принимали за шутовство то, что Суворовъ и въ высшихъ кругахъ,—при дворѣ даже,—не оставлялъ своихъ простыхъ привычекъ, казавшихся странными, вставалъ очень рано, а отъ этого зависѣло и дальнѣйшее распредѣленіе его дня, ранній обѣдъ и пр.; онъ любилъ только самыя простыя кушанья, чѣмъ опять-таки удивлялъ придворныхъ, и т. д. Съ другой стороны, надо имѣть также въ виду, что иныя выходки Суворова, которыя казались какимъ-то шутовствомъ, имѣли достаточное основаніе, объяснялись иногда важными соображеніями. Упомяну объ извѣстномъ кричаніи пѣтухомъ: во время похода на Варшаву Суворовъ былъ окруженъ польскими шпіонами, черезъ которыхъ враги узнавали объ его распоряженіяхъ. Чтобы обмануть ихъ, онъ издалъ приказъ, что въ походъ надо двинуться, когда пѣтухъ закричитъ. Этотъ приказъ сдѣлался скоро извѣстенъ полякамъ; они думали, что русскіе выступятъ къ разсвѣту, а Суворовъ самъ ночью закричалъ пѣтухомъ. И это несомнѣнно имѣло значеніе. Но если мы, въ силу приведенныхъ соображеній, и убавимъ размѣры

чудачества Суворова, все-таки этихъ чудачествъ останется много, и они несомнѣнно составляли весьма замѣтную особенность великаго полководца. Въ литературѣ существуютъ два противоположныя мнѣнія по этому вопросу. Одни (Милютинъ) находятъ, что чудачество Суворова было преднамѣренное, другіе (Петрушевскій) считаютъ, что Суворовъ былъ «прирожденный чудакъ», что его чудачества развились изъ его природныхъ свойствъ. Мнѣ кажется, что первое мнѣніе гораздо справедливѣе. Конечно, извѣстныя чудаческія выходки вошли въ привычку у Суворова, особенно, когда онъ чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе считалъ нужнымъ стѣсняться. Но и до самаго конца, какъ намъ о томъ говорятъ многочисленныя свидѣтельства, Суворовъ нерѣдко, когда оставался съ людьми, которыхъ уважалъ и цѣнилъ, кидалъ всякія выходки и являлся какъ бы совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Мы знаемъ цѣлый рядъ соображеній, въ силу которыхъ Суворовъ могъ считать чудачество для себя удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Преданіе говоритъ, что Екатерина какъ-то при немъ высказала мысль, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-либо особенное, оригинальное, отличавшее ихъ отъ людей обыкновенныхъ; это замѣчаніе произвело будто бы на Суворова очень сильное впечатлѣніе и легло въ основу всего его чудачества. У насъ нѣтъ основаній отвергать самое преданіе, хотя, конечно, слова Екатерины никакъ не могутъ быть приняты какъ исходный, поворотный пунктъ. Но во всякомъ случаѣ Суворовъ понималъ, что внѣшняя оригинальность поступковъ доставляетъ ему извѣстность, укрѣпляетъ ее, и онъ былъ вовсе не прочь отъ такого средства для усиленія своей популярности. Его выходки заставляли говорить о немъ, а онъ этого желалъ. Еще вліятельнѣе эти выходки были по отношенію къ солдатамъ. Весь складъ жизни Суворова былъ солдатскій, онъ

сжился съ бытомъ солдатъ, и его выходки и шутки еще болѣе сближали его съ войсками, еще болѣе заставляли ихъ любить его, служа вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ воспитательныхъ средствъ, облегчая проведеніе въ жизнь правилъ его и требованій. При своихъ солдатскихъ привычкахъ, грубоватыхъ манерахъ, Суворовъ могъ бы чувствовать себя довольно стѣсненнымъ, когда, по мѣрѣ полученія чиновъ, онъ попалъ въ высшіе круги военнаго и придворнаго общества. Здѣсь чудачество оказывало ему незамѣнимую услугу, избавляя его отъ необходимости считаться со свѣтскими обычаями и правилами свѣтскаго обращенія и пр. Но всего важнѣе чудачество Суворова было для него въ одномъ отношеніи. Онъ пользовался своею репутаціею чудака, чтобы избѣгать прислуживанія передъ сильными, случайными людьми. Въ тотъ вѣкъ фаворитизма и ласкательства Суворовъ прятался за свои чудачества для того, чтобы не дѣлать всего, что дѣлали остальные, чтобы не унижаться и не заискивать. Онъ шелъ дальше въ этомъ направленіи и подъ видомъ чудаческихъ выходокъ умѣлъ говорить горькую правду, давать непріятные уроки. Ланжеронъ пишетъ: «Трудно составить себѣ понятіе о шутовскихъ выходкахъ Суворова, не бывши очевиднымъ ихъ свидѣтелемъ: онѣ иногда остроумны, и подчасъ репутація оригинала, которую онъ ловко сумѣлъ пріобрѣсти себѣ, служила ему для того, чтобы безнаказанно и кота ти давать колкіе отвѣты и искусные уроки» [1]. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ кратко и вѣрно выразилъ значеніе чудачества Суворова: онъ, «русскій чудо-богатырь, юродствовалъ, чтобы имѣть больше независимости» [2]. Незави-

---

[1]) *Русская Старина*, 1895 г., мартъ, стр. 156.
[2]) *Древняя и Новая Россія*, 1877, № 1-й, стр. 22 (статья «Чему учитъ русская исторія»).

симость была потребностью Суворова, его завѣтной мечтой, которой до конца не суждено было исполниться въ должныхъ размѣрахъ.

При живомъ и оригинальномъ характерѣ Суворова, при творческой дѣятельности его генія, при создаваемыхъ имъ постоянно самостоятельныхъ планахъ, и въ мирное, и особенно въ военное время, его не могло не тяготить подчиненіе малоспособнымъ иногда начальникамъ, людямъ нерѣшительнымъ, смотрѣвшимъ на дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія; ему тяжела была зависимость отъ произвола властнаго человѣка, отъ различныхъ сложныхъ и неповоротливыхъ требованій установившихся формальностей. Мы видимъ, что Суворовъ очень скоро, будучи еще въ небольшихъ, сравнительно, чинахъ, приходитъ въ серьезныя столкновенія со своими начальниками. Такъ было дѣло съ Веймарномъ, затѣмъ съ Каменскимъ, Прозоровскимъ, Репнинымъ, Потемкинымъ. И это зависѣло не отъ неуживчивости характера Суворова, а отъ его стремленія къ самостоятельности, отъ его желанія сдѣлать дѣло хотя и не по диспозиціямъ и полученнымъ приказамъ, но согласно съ дѣйствительными обстоятельствами, по требованіямъ наличныхъ условій. И надъ Суворовымъ постоянно во всѣ кампаніи тяготѣетъ и складывается иногда очень серьезное обвиненіе въ непослушаніи, въ несоблюденіи дисциплины, въ нарушеніи вполнѣ опредѣленныхъ приказовъ, въ своевольныхъ дѣйствіяхъ вопреки диспозиціямъ. Суворовъ часто шелъ не туда, куда его желали направить, оставался не тамъ, гдѣ этого отъ него хотѣли, располагалъ свои войска по-своему и т. п. Всегдашній успѣхъ, сопровождавшій его операціи, смягчалъ, конечно, его вину, и онъ не пострадалъ ни разу серьезно за инсубординацію; но непріятностей было у него немало, и онъ выносилъ изъ-за этого

постоянную борьбу, иногда очень нелегкую. Какъ уже и раньше было указано, въ этомъ вопросѣ о самостоятельности на первомъ планѣ у Суворова всегда была польза дѣла по существу, а вовсе не забота о личномъ честолюбіи. Какъ это ни странно сказать, но побѣдоносный военачальникъ, сначала подполковникъ, бригадиръ, а затѣмъ генералъ-аншефъ и фельдмаршалъ, никогда не находился въ условіяхъ, которыя были бы дѣйствительно благопріятны для полнаго примѣненія его дарованій. Современники Суворова нерѣдко говорили о счастьѣ, которое всегда сопровождаетъ Суворова. Онъ возражалъ на это, указывая, что кромѣ счастья надо же имѣть и умѣніе. Но онъ могъ бы сдѣлать и другое возраженіе, могъ бы указать, въ какія неблагопріятныя условія ставитъ дѣйствительность его работу, какія препятствія она воздвигаетъ передъ нимъ постоянно. Это не есть уже счастье, а скорѣе, наоборотъ, можно сказать, неудача. Многаго достигъ Суворовъ, но для того, чтобы уѣнчать свою дѣятельность такимъ блестящимъ успѣхомъ, ему надо было много силъ положить на ненужную и вредную борьбу съ различными препятствіями. Это не могло не отражаться задерживающимъ образомъ на его военныхъ успѣхахъ. Для полнаго развитія его военныхъ плановъ ему приходилось рисковать своими отношеніями къ начальству и жертвовать служебнымъ спокойствіемъ, легкими служебными успѣхами.

При всѣхъ блестящихъ и необычайныхъ побѣдахъ Суворова, грустно видѣть, какъ ему постоянно было необходимо отстаивать свою независимость, создавать себѣ возможныя условія для дѣятельности. Его или стѣсняли въ дѣлѣ, или прямо устраняли отъ дѣла. Это былъ орелъ въ клѣткѣ, постоянно рвавшійся на свободу. Суворовъ самъ говорилъ: «Я лучше хочу быть первымъ въ послѣдней

деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ» [1]). И это не было у него хвастливымъ подражаніемъ Цезарю,—онъ дѣйствительно такъ думалъ и чувствовалъ: первенство, самостоятельность были ему необходимы. Мы постоянно видимъ, какъ Суворовъ добивается во что бы то ни стало получить самостоятельное командованіе, хотя бы по своему значенію и не такое важное; онъ всегда желалъ для себя положенія, «независимаго отъ сторонняго распоряженія». Каково бывало Суворову, когда онъ послѣ одержанной побѣды получалъ приказъ Репнина отступать или когда медлительный и нерѣшительный Потемкинъ вовсе не отвѣчалъ на составленный Суворовымъ планъ наступленія. И вѣдь подобное положеніе дѣлъ продолжалось до самаго конца. Отъ него страдалъ не только бригадиръ, побѣдившій подъ Ланцкороной, но и рымникскій и измаильскій герой, генералъ-аншефъ, шедшій со своимъ отрядомъ на Варшаву. Интересное письмо послалъ Суворовъ въ 1784 г. Потемкину. Оно очень важно для общей характеристики Суворова. Послѣдній находился въ то время въ подчиненіи у Салтыкова и хотя не имѣлъ съ нимъ никакихъ личныхъ столкновеній, но просилъ доставить ему «особую команду», т.-е. самостоятельное мѣсто, хоть въ Камчаткѣ. «Служу я, милостивый государь, больше сорока лѣтъ и почти 60-тилѣтній. Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу, какъ Эпаминондъ, бѣгаю, какъ Цесарь, постоя-

---

[1]) Милютинъ, I, 141. Изъ замѣтокъ Суворова.

ненъ, какъ Тюрень, и праводушенъ, какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ къ моимъ сверстникамъ, часто неугоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей, былъ счастливъ потому, что я повелѣвалъ счастіемъ. Успокойте духъ невиннаго передъ вами... и пожалуйте мнѣ особую команду»[1]... Въ концѣ письма Суворовъ упоминаетъ и о мысли своей оставить Россію, поступить на иностранную службу. Къ этой мысли Суворовъ обращается очень часто, и одно уже это показываетъ, насколько тяжелы были для него окружавшія его условія. Онъ думалъ «искать фортуны въ чужихъ странахъ». Это бывало настолько серьезно, что въ 1794 г. онъ подавалъ объ этомъ прошеніе Екатеринѣ, писалъ Платону Зубову, прося о содѣйствіи. «Особую команду» Суворовъ получилъ только подъ конецъ жизни, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ союзною русско-австрійской арміей въ Италіи, да и тамъ онъ былъ стѣсненъ распоряженіями вѣнскаго гофкригсрата, на всякомъ шагу ему мѣшавшаго.

VI.

Самостоятельность, это—основная черта въ характерѣ Суворова, потребность его личности. Онъ всю жизнь стремился къ «особой командѣ», мечталъ о положеніи, «независимомъ отъ сторонняго распоряженія». Для него стояла на первомъ мѣстѣ и была ему дороже всего его нравственная

[1] Письмо это было напечатано много разъ, и многія лица претендовали на то, что они владѣютъ подлинникомъ письма. Правдоподобнымъ кажется предположеніе П. И. Бартенева, что письмо было когда-то издано въ литографированномъ факсимиле, разошлось по рукамъ и принимается въ этихъ факсимиле за подлинникъ. См. *Русскій Архивъ*, 1879 г., ноябрь, стр. 0403—4; «Архивъ кн. Воронцова», XXIV, стр. 305; *Русская Старина*, 1890 г., апрѣль, 133.

независимость. Онъ поддерживалъ ее, несмотря на лица. Суворовъ не стѣснялся ни придворнымъ этикетомъ, ни даже присутствіемъ самой Екатерины и позволялъ себѣ выходки, которыя не всегда могли нравиться. Онъ не любилъ придворныя сферы; врагъ всякаго ласкательства и заискиванія, онъ постоянно и открыто высказывался противъ нихъ. Онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ толпѣ трутней, окружавшихъ Потемкина, напримѣръ, и говорилъ, что вообще «для двора потребны три качества—смѣлость, гибкость и вѣроломство». Онъ сравнивалъ генераловъ съ поэтами: одни генералы родятся генералами, другіе дѣлаются; первые отличаются на поляхъ битвъ, въ пылу сраженій, а вторые—въ передняхъ властныхъ вельможъ, какъ искусные полотеры. «А мундиръ на тѣхъ и на другихъ одинаковый». При самой Екатеринѣ онъ заявлялъ, что на войнѣ нерѣдко важныя награды получаютъ любимчики, покровительствуемые сильными людьми. И свое нерасположеніе къ этимъ вліятельнымъ людямъ онъ выражалъ въ афоризмѣ: «худо съ большими людьми вишенки ѣсть». Само собою понятно, что властныя и придворныя сферы не любили Суворова за его самостоятельность и за выходки его, противъ нихъ направленныя, и это отражалось на служебной карьерѣ побѣдоноснаго вождя. Такое враждебное отношеніе къ Суворову видно, напримѣръ, въ письмахъ Растопчина 1796 г. къ гр. С. Р. Воронцову [1]).

Если таково было положеніе Суворова при Екатеринѣ, то понятно, что положеніе это еще ухудшилось при ея преемникѣ. Самостоятельный по характеру, а теперь также и по высокому военному званію, котораго онъ достигъ, Суворовъ не могъ не придти въ столкновеніе съ новыми порядками, которые вводились тогда въ русской арміи.

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», VIII, 129—150.

Императоръ Павелъ, преданный памяти своего отца, поклонявшагося Фридриху Великому, и самъ поклонникъ прусскихъ уставовъ, которые онъ усердно примѣнялъ въ своихъ гатчинскихъ войскахъ, рѣшилъ передѣлать русскую армію по прусскому образцу. Онъ хотѣлъ измѣнить все, что было заведено при Екатеринѣ, и, преслѣдуя нѣкоторыя злоупотребленія, которыя дѣйствительно развились значительно въ военномъ быту за послѣдніе годы царствованія его матери, императоръ Павелъ уничтожалъ многое такое, достоинство и польза чего была испытаны уже въ военное время.

Если мы откинемъ въ сторону чудачества и рѣзкія выходки Суворова, а посмотримъ на сущность дѣла, мы должны будемъ сказать, что неудовольствіе Суворова на новые порядки имѣло свои достаточныя основанія. Проф. П. С. Лебедевъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи о «Преобразованіи русскаго войска въ царствованіе императора Павла» признаетъ, что взгляды Суворова были справедливы[1]).

Суворовъ еще во время семилѣтней войны, когда военная система Фридриха вполнѣ уже сложилась, познакомился съ прусскими порядками, съ ихъ достоинствами и недостатками. Онъ не могъ не высказаться противъ слѣпого подражанія прусскимъ уставамъ и писалъ по этому поводу: «Русскіе прусскихъ всегда бивали, что же тутъ перенять?» Въ своихъ замѣткахъ онъ говоритъ: «Я лучше прусскаго короля; я милостію Божіею баталіи не проигрывалъ». О результатахъ нововведеній Суворовъ писалъ: «Солдаты не веселы, унылы, разводы скучны.—Шагъ мой уменьшенъ въ $^3/_4$, и тако на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ... Я, пахарь въ Кобринѣ (имѣніе, пожалованное Суворову за

---

[1]) *Русская Старина*, 1877 г., февраль—апрѣль.

взятіе Варшавы), лучше, нежели только инспектиръ, каковымъ я былъ подполковникомъ»... Замѣтка кончается восклицаніемъ: «Со дня на день умираю»... Суворовъ дѣйствительно былъ въ самомъ недовольномъ и раздраженномъ настроеніи. Одинъ изъ приближенныхъ къ нему офицеровъ писалъ въ это время про него: «Неудовольствіе его явно всѣмъ, которое и не скрываетъ, и публично говоритъ, что идетъ изъ службы... Чистосердечно вамъ скажу, графа въ такомъ безпокойствѣ я еще не видалъ и неудовольствіи»[1]).

Суворовъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу новыхъ порядковъ и позволялъ себѣ выходки противъ нихъ. До насъ дошло много разсказовъ объ этомъ. Такъ, напримѣръ, въ запискахъ Энгельгардта читаемъ про Суворова: «Сказывали, что онъ передъ разводомъ показывалъ свою блажность, говоря: пукли не пушка, коса не тесакъ, я не пруссакъ, я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ» [2]). Много и другихъ подобныхъ разсказовъ.

Недоразумѣнія начались очень скоро. Первый случай относится уже къ самому началу 1797 г. Къ новому году въ Петербургъ пріѣхалъ отъ Суворова капитанъ Уткинъ только съ частными письмами. Павелъ приказалъ Уткина опредѣлить въ одинъ изъ петербургскихъ полковъ, а Суворову было сдѣлано замѣчаніе, такъ какъ подобное употребленіе офицеровъ «неприлично ни службѣ, ни званію ихъ»[3]). Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали вскорѣ другіе выговоры по такимъ случаямъ: Суворовъ отпустилъ въ отпускъ въ Петер-

---

[1]) Милютинъ, III, 121.

[2]) Записки Энгельгардта, стр. 154.

[3]) Употребленіе подчиненныхъ по частнымъ дѣламъ начальниковъ было тогда явленіемъ общимъ, и Суворовъ въ этомъ отношеніи не стоялъ выше общаго уровня. Кстати замѣтить, что одно изъ самыхъ основательныхъ обвиненій, предъявляемыхъ къ Суворову, касается того, что онъ не умѣлъ выбирать людей, что его окружали лица недостойныя, которыя вліяли на ходъ дѣлъ въ его штабѣ.

бургъ одного офицера, не испросивъ на то разрѣшенія государя,—офицеръ этотъ былъ немедленно высланъ обратно; Суворовъ обратился съ просьбою объ измѣненіи дислокаціи войскъ,—ему объявлено, что это не его дѣло; онъ просилъ объ отставленіи при немъ одного офицера, который при передвиженіи частей долженъ былъ уйти изъ-подъ команды Суворова,—опять не его дѣло, и т. п. Замѣчанія эти дѣлались въ особыхъ рескриптахъ, пріобрѣтавшихъ все болѣе и болѣе рѣзкій тонъ. Павелъ писалъ, что онъ надѣялся встрѣтить въ Суворовѣ перваго исполнителя своихъ требованій, и рекомендовалъ «во всемъ поступать по уставамъ», и пр. Эти замѣчанія и выговоры Суворову дѣлались оффиціально, отдавались въ приказахъ, при паролѣ. Надо прибавить, что они печатались даже во всеобщее свѣдѣніе въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

Еще въ началѣ января, до полученія этихъ выговоровъ, Суворовъ послалъ прошеніе о годовомъ отпускѣ. Вѣроятно, послѣ полученія перваго выговора онъ немедленно послалъ прошеніе объ отставкѣ. Но прежде чѣмъ прошеніе это достигло Петербурга, состоялось увольненіе Суворова, и ему было сообщено, что онъ отставленъ безъ прошенія: «Желаніе ваше предупреждено было»,—писалъ ему Ростопчинъ.—Уволненіе состоялось 6-го февраля. Приказъ гласилъ: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ отнесся къ Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы». Приказъ этотъ также появился въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* [1]).

Получивъ увольненіе, Суворовъ уѣхалъ въ свое обширное кобринское имѣніе. Но ему не пришлось сдѣлаться

---

1) *Русская Старина*, 1874, сентябрь, стр. 188.

«пахаремъ въ Кобринѣ», какъ онъ выражалъ раньше желаніе. Онъ пріѣхалъ въ Кобрино въ самомъ концѣ марта, а 22-го апрѣля къ нему явился командированный изъ Петербурга чиновникъ Николевъ и отвезъ его по Высочайшему повелѣнію въ его наслѣдственную вотчину, село Кончанское Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Въ Кончанскомъ положеніе Суворова было очень печальное. Ему воспрещено было ѣздить по сосѣдямъ, къ нему никого не допускали безъ особаго разрѣшенія, слѣдили за его перепискою и за всѣми его сношеніями. Сначала надзоръ былъ порученъ мѣстному начальству, а затѣмъ въ Кончанское былъ посланъ упомянутый Николевъ [1]).

Дочь Суворова, графиня Зубова, получила особое разрѣшеніе пріѣхать къ отцу и прожила у него со своимъ маленькимъ сыномъ часть лѣта, но какъ только начались холода, ей пришлось уѣхать, такъ какъ домъ въ Кончанскомъ былъ очень ветхій и въ холодное время жить тамъ было невозможно. По отъѣздѣ дочери Суворовъ долженъ былъ перейти на зиму въ крошечный флигелекъ и сдѣлался совсѣмъ одинокимъ [2]).

Ко всему этому присоединились еще денежныя затрудненія и непріятности. Заключенный въ Кончанскомъ и притомъ стѣсненный въ своихъ сношеніяхъ и корреспонденціи, Суворовъ не могъ какъ должно управлять своимъ хозяйствомъ, дѣла его запутывались, доходовъ было мало, а между тѣмъ правительство начало признавать подлежащими удовлетворенію самые невозможные и даже невѣроятные

---

[1]) Инструкціи Николеву и его донесенія напечатаны въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, 1862 г., кн. 4.

[2]) Насколько затруднены были сношенія Суворова, видно изъ разсказа Талызина, преданнаго Суворову офицера, о томъ, какъ онъ для свиданія со своимъ бывшимъ начальникомъ долженъ былъ переодѣваться слугою,—иначе его бы не пропустили въ Кончанское. *Русскій Архивъ*, 1896 г., № 1, стр. 49—50.

иски, которые стали предъявлять къ Суворову разныя лица, пользуясь его опалою.

Несмотря на всѣ эти стѣсненія и непріятности, Суворовъ не измѣнилъ себѣ въ кончанскомъ заточеніи, остался попрежнему твердъ и независимъ. Державинъ тогда писалъ про него:

Смотри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердъ, великъ всегда!

Въ другомъ стихотвореніи пѣвецъ Фелицы говоритъ о Суворовѣ въ отставкѣ:

На браняхъ ставя тверду грудь врагамъ,
Великъ, непобѣдимъ онъ былъ войною.
Никто его сокрыть не можетъ тьмою:
Преграды нѣтъ лучамъ! [1])

Суворовъ сохранилъ свою твердость среди всѣхъ испытаній. Онъ не поддался даже представившейся было надеждѣ на прекращеніе его изгнанія. Въ февралѣ въ Кончанское явился по Высочайшему повелѣнію племянникъ Суворова, флигель-адъютантъ князь Горчаковъ, съ приглашеніемъ ѣхать въ Петербургъ и явиться къ государю. Племяннику пришлось долго уговаривать Суворова, прежде чѣмъ тотъ согласился отправиться въ Петербургъ. Наконецъ, Суворовъ далъ свое согласіе, князь Горчаковъ поскакалъ обратно въ Петербургъ, а Суворовъ двинулся туда же, но ѣхалъ очень медленно, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе.

Неизвѣстно, почему императоръ Павелъ въ это время вспомнилъ Суворова и вызвалъ его къ себѣ. Въ рескриптѣ, данномъ князю Горчакову при посылкѣ его въ Кончанское, было сказано: «Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову, сказать ему отъ меня, что естьлибы было что отъ него мнѣ,

---

[1]) Сочин. Державина, II, стр. 36 и 372.

я сего не помню, что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ, надѣюсь, не будетъ поводу подавать своимъ поведеніемъ къ малѣйшему недоразумѣнію» [1]). Очевидно, что императоръ Павелъ желалъ бы вновь опредѣлить Суворова на службу, для чего и сдѣлалъ первый шагъ, предоставляя второй шагъ сдѣлать самому Суворову, т.-е. проситься на службу. Но на это-то Суворовъ и не пошелъ.

Суворовъ былъ милостиво принятъ государемъ, который тутъ же пригласилъ отставного фельдмаршала быть на разводѣ. На этомъ разводѣ и начались новыя недоразумѣнія. Суворовъ не скрывалъ, что былъ недоволенъ порядкомъ ученія, и даже уѣхалъ съ развода до его окончанія, сказавъ: «Не могу, брюхо болитъ». Выходки Суворова въ этомъ родѣ продолжались и дальше. Онъ не упускалъ случая подшутить надъ новыми правилами. Садясь, напримѣръ, въ карету, онъ дѣлалъ видъ, что прицѣпленная сзади наискось шпага—по новой формѣ—мѣшаетъ ему пролѣзть въ дверцы кареты, и онъ подходилъ то съ одной, то съ другой стороны, употребляя на это иногда до четверти часа. На разводѣ онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ справиться со шляпою новаго образца, и кончалъ тѣмъ, что ронялъ ее къ ногамъ самого императора. Смотря на проходящіе мимо взводы, Суворовъ что-то бормоталъ себѣ подъ-носъ и на вопросъ, что это такое, отвѣчалъ, что читаетъ молитву: «Да будетъ воля твоя»... и т. п. [2]). Три недѣли прожилъ такимъ образомъ Суворовъ въ Петербургѣ, вызывая неудовольствіе своими выходками и не сказавъ того, чего отъ него ждали и желали: онъ не попросился вновь на службу.

Первое время по возвращеніи Суворова въ деревню положеніе его было легче, но вскорѣ стѣсненія вновь были

---

[1]) Милютинъ, III, 124.
[2]) Петрушевскій, стр. 401—403.

почему-то усилены, вновь появился Николевъ и пр. Прошло нѣсколько времени; Суворовъ обратился къ государю съ просьбой разрѣшить ему поступить въ Нилову пустынь. Отвѣта на это прошеніе не послѣдовало. Казалось, что исхода никакого для Суворова не было, что герой Измаила и Праги, игравшій въ это время въ бабки съ деревенскими ребятишками и пѣвшій и читавшій въ церкви, такъ и кончитъ жизнь въ своемъ заточеніи, въ невольной праздности. Но вдругъ неожиданно совершилась рѣшительная перемѣна въ судьбѣ Суворова.

Въ теченіе уже многихъ лѣтъ въ Европѣ образовывались коалиціи въ различныхъ комбинаціяхъ для борьбы съ революціонной Франціей, и въ этой борьбѣ рѣшительный успѣхъ былъ на сторонѣ молодой республики. Екатерина II сначала относилась очень сдержанно къ дѣлу европейскихъ коалицій, понимая, что оно не затрогиваетъ прямо интересовъ Россіи. Но подъ конецъ своего царствованія она склонилась къ участію въ коалиціи, и уже составлялся соотвѣтственный планъ. Суворовъ тогда надѣялся стать во главѣ русской арміи. Павелъ Первый, вступивъ на престолъ, измѣнилъ всю политику своей матери, отказался также и отъ предположенной войны. Но ходъ европейскихъ событій, дальнѣйшіе успѣхи и завоеванія Французской республики заставили его измѣнить отношеніе къ вопросу, и онъ примкнулъ къ коалиціи противъ Франціи.

Суворовъ и послѣ того, какъ его мечта вести русскія войска въ Европу для борьбы съ Франціей не осуществилась, послѣ того, какъ онъ очутился въ своемъ невольномъ деревенскомъ уединеніи,—продолжалъ внимательно слѣдить за европейскими дѣлами: по своему обыкновенію онъ много читалъ въ Кончанскомъ, знакомился съ текущими происшествіями по иностраннымъ газетамъ. Импе-

раторъ Павелъ зналъ о занятіяхъ Суворова, объ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ военно-политическимъ событіямъ въ Европѣ. 8-го сентября 1798 г. государь прислалъ къ кончанскому изгнаннику генерала съ порученіемъ узнать его мнѣніе по предмету возможнаго столкновенія съ Франціей. Суворовъ, который очень неохотно вступалъ тогда въ оффиціальныя сношенія, совсѣмъ иначе отнесся къ этому посланному и не только передалъ ему свои соображенія, но даже продиктовалъ общій планъ кампаніи. На этомъ дѣло пока и кончилось.

Такъ прошелъ годъ съ поѣздки Суворова въ Петербургъ, два года со времени его отставки. 6 февраля 1799 г. въ Кончанское прискакалъ флигель-адъютантъ Толбухинъ съ собственноручнымъ рескриптомъ императора. Павелъ писалъ: «Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ посему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но и отъ лица другихъ предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Суворовъ немедленно отправилъ посланнаго обратно съ отвѣтомъ о своемъ согласіи и пріѣздѣ и на другой день на почтовыхъ самъ поскакалъ въ Петербургъ.

Онъ былъ принятъ Павломъ чрезвычайно милостиво, получилъ высшій мальтійскій орденъ, большія суммы подъемныя и столовыя и,—что было для него всего важнѣе,—получилъ особыя полномочія, какъ главнокомандующій. Но Павелъ, посылая Суворова по инициативѣ вѣнскаго двора, который справедливо цѣнилъ прежніе подвиги Суворова совмѣстно съ австрійскими войсками при Фокшанахъ

и Рымникѣ,—Павелъ самъ не вполнѣ довѣрялъ Суворову. Предполагая, что корпусный генералъ Германъ будетъ въ арміи Суворова, Павелъ обратился къ нему съ секретнымъ порученіемъ и писалъ: «Имѣть наблюденія за его, Суворова, предпріятіями, которыя могли бы повести ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда будетъ онъ увлекаться слишкомъ своимъ воображеніемъ... Итакъ хотя онъ по своей старости уже и не годится въ Телемаки, тѣмъ не менѣе однако же вы будете Менторомъ»... Германъ не отказался отъ этого порученія, но ему не пришлось его исполнить, такъ какъ онъ отправленъ былъ не въ Италію, а въ Голландію, и въ то время какъ Суворовъ одерживалъ блестящія побѣды, его предполагавшійся менторъ былъ разбитъ и попалъ въ плѣнъ.

Порученіе, возложенное было на Германа, перешло къ другому лицу. Къ Суворову былъ прикомандированъ генералъ-адъютантъ Толстой, которому въ длинномъ оффиціальномъ рескриптѣ подробно были указаны его обязанности. «Старайтесь проникать намѣренія его (Суворова) и, въ случаѣ отважныхъ и сомнительныхъ предпріятій, во вредъ общему дѣлу обратиться могущихъ, отвращайте, колико возможно, отъ произведенія оныхъ въ дѣйствіе» и пр. Толстому же поручено было «недреманное смотрѣніе» за тѣмъ, чтобы французская политическая зараза не распространялась въ русскихъ войскахъ. Кромѣ Толстого, съ подобнымъ же порученіемъвъ армію былъ командированъ статскій совѣтникъ Фуксъ для представленія донесеній генералъ-прокурору. Фуксъ этотъ извѣстенъ тѣмъ, что, исполняя возложенное на него дѣло, онъ увлекся личностью Суворова, сдѣлался его поклонникомъ и горячимъ панегиристомъ въ печати: онъ оставилъ много сочиненій и статей, посвященныхъ Суворову.

Въ концѣ февраля 1799 г. кончанскій изгнанникъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вѣну, чтобы выступить на театръ европейской войны, гдѣ ему суждено было пріобрѣсти для русской арміи новые, безпримѣрные лавры, завоевать высшую военную славу.

VII.

Въ концѣ февраля 1799 года Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга. Путешествіе свое совершалъ онъ довольно медленно, такъ какъ и здоровье его начинало уже слабѣть, и дороги въ это время стали уже портиться. Въ Вѣну онъ пріѣхалъ 14-го марта. Пріѣздъ его вызвалъ всеобщее одушевленіе среди жителей австрійской столицы: престарѣлаго побѣдоноснаго вождя встрѣчали вездѣ съ восторгомъ. Суворовъ былъ милостиво принятъ императоромъ Францемъ, который подчинилъ ему свои войска и пожаловалъ ему званіе австрійскаго фельдмаршала. Императоръ и его кабинетъ, все населеніе ждали побѣдъ и успѣховъ отъ Суворова. Но и тутъ уже возникли недоразумѣнія между фельдмаршаломъ обѣихъ имперій и вѣнскимъ гофкригсратомъ. Суворовъ всегда былъ противникомъ кабинетной стратегіи. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ: «Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть невозможно, и теорія безъ практики мертва». Выиграть баталію изъ кабинета нельзя, но можно изъ кабинета помѣшать самостоятельности дѣйствій главнокомандующаго, связать его въ его дѣйствіяхъ. Этого и хотѣлъ гофкригсратъ, но именно на это-то менѣе всего могъ согласиться Суворовъ, всегда дорожившій «особою командой, независимой отъ посторонняго распоряженія».

Гофкригсратъ потребовалъ отъ Суворова представленія имъ плана его операцій. Фельдмаршалъ рѣшительно отъ

этого уклонился; преданіе говоритъ, что когда это требованіе было предъявлено Суворову прямо въ засѣданіи гофкрисграта, онъ подалъ бѣлый листъ бумаги, сказавъ, что это его планъ, и уѣхалъ изъ засѣданія. У Суворова имѣлись достаточныя основанія не открывать вовсе своихъ плановъ въ Вѣнѣ. Во-первыхъ, онъ могъ опасаться, что сообщенныя имъ свѣдѣнія легко будутъ выкрадены ловкими тайными агентами французскаго правительства; такъ, изъ Вѣны былъ выкраденъ планъ движенія корпуса Розенберга, и если бы Суворовъ не измѣнилъ его, не двинулся гораздо быстрѣе, французы, конечно, приготовились бы встрѣтить русскихъ; указывая на это въ своей статьѣ «Суворовъ и Тугутъ», Фуксъ сообщаетъ еще о слѣдующемъ: «Я самъ нашелъ въ бумагахъ у взятыхъ въ полонъ французскихъ генераловъ подробнѣйшія свѣдѣнія о предположеніяхъ австрійскихъ изъ Вѣны, имъ сообщенныя»[1]). Съ другой стороны, Суворовъ отлично зналъ, что теоретики вѣнскаго гофкригсрата не оцѣнятъ его соображеній, что изъ подробныхъ объясненій можетъ произойти только споръ, который преждевременно обостритъ отношенія и поведетъ къ лишнимъ недоразумѣніямъ. Насколько различны были взгляды Суворова и вѣнскихъ политиковъ-стратеговъ на предстоящія операціи, можно видѣть изъ того, напр., что Суворову былъ предложенъ проектъ кампаніи до рѣки Адды, а онъ отвѣчалъ, что онъ начнетъ кампанію переходомъ черезъ Адду, а кончитъ ее, гдѣ Богу будетъ угодно [2]).

Суворовъ такъ и началъ кампанію: послѣ ряда небольшихъ успѣшныхъ дѣлъ онъ отогналъ французовъ за Адду и самъ перешелъ эту рѣку. Дѣйствіями Суворова были

---

[1]) *Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ*, годъ второй кн. IX.

[2]) Петрушевскій, стр. 519—522.

очень довольны и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ. При полученіи извѣстія о первомъ успѣхѣ, о занятіи Брешіи, Павелъ приказалъ на благодарственномъ молебствіи провозгласить многолѣтіе «побѣдоносцу Суворову-Рымникскому». Государь писалъ Суворову: «Начало благо, дай Богъ, чтобы вездѣ были успѣхи и побѣда. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть и давнишняя личная привязанность ее къ намъ самимъ». Послѣ перехода черезъ Адду Павелъ вновь писалъ: «о многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, при чемъ были и всѣ иностранные министры» и т. д.

За всю итальянскую кампанію союзныя войска потерпѣли одинъ разъ пораженіе, именно при Басиньянѣ, гдѣ генералъ Розенбергъ былъ вовлеченъ въ дѣло при невыгодныхъ условіяхъ, по опрометчивости великаго князя Константина Павловича. Суворовъ былъ страшно раздраженъ этимъ случаемъ и сумѣлъ, сохраняя всѣ наружные признаки почтенія, дать строгій урокъ великому князю.

Неудача при Басиньянѣ составляла исключеніе изъ всего хода кампаніи. Суворовъ умѣлъ, дѣйствительно, обходиться съ побѣдой и не выпустилъ ея изъ своихъ рукъ. Битву за битвой выигрывалъ онъ у непріятеля, обыкновенно болѣе многочисленнаго, занимающаго часто сильнѣйшія позиціи, всегда упорнаго и искуснаго. Новая слава окружила имя Суворова, завоевавшаго блестящій успѣхъ при очень тяжелыхъ условіяхъ. Упомяну кратко только о двухъ главныхъ сраженіяхъ итальянской кампаніи—о многодневной битвѣ при Треббіи и о битвѣ при Нови.

5-го іюня Суворовъ узналъ, что австрійскій генералъ Оттъ атакованъ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Пославъ немедленно другого австрійскаго генерала, Меласа, на по-

мощь атакованнымъ, Суворовъ самъ выступилъ на разсвѣтѣ 6-го числа со всею своей арміей. Въ 10 часовъ утра онъ далъ-было роздыхъ войскамъ, когда получилъ извѣстіе, что австрійцамъ приходится очень трудно. Суворовъ велѣлъ немедленно двинуться ускореннымъ шагомъ, а самъ поскакалъ впередъ съ двумя казачьими полками. Неожиданное появленіе Суворова на полѣ битвы было очень своевременно, такъ какъ французы готовы были уже превосходными силами нанести рѣшительный ударъ австрійцамъ. Суворовъ, ударивъ немедленно на непріятеля, успѣлъ задержать его до появленія главныхъ своихъ силъ. Пѣхота не шла, а бѣжала подъ палящимъ зноемъ; люди выбивались изъ силъ и падали по дорогѣ, но остальные продолжали свой бѣгъ; на поле битвы явилось менѣе чѣмъ по 40 человѣкъ въ ротѣ; это не остановило Суворова, и онъ немедленно ударилъ на сильнѣйшаго непріятеля, который и отбивался до вечера, когда, наконецъ, отступилъ со своихъ позицій. Но этимъ днемъ битва при Треббіи не кончилась, она возобновилась еще 7-го и 8-го іюня. Вотъ еще эпизодъ въ послѣдній день битвы. Положеніе союзниковъ было особенно трудно. Французы, все еще съ превосходными силами, рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы побороть союзниковъ. Битва завязалась въ этотъ день не рано. Послѣ полудня Суворовъ въ изнеможеніи отъ жары лежалъ, снявъ китель, въ одной рубашкѣ, прислонившись къ огромному камню. Къ нему подъѣхалъ Розенбергъ съ донесеніемъ, что пять батальоновъ русскихъ, бившіеся противъ пятнадцати батальоновъ французовъ, были слишкомъ истомлены, и ничего не оставалось больше, какъ отступать. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень,—отвѣчалъ Суворовъ,—не можете? Ну, въ такой же мѣрѣ и отступленіе невозможно. Извольте держаться крѣпко, и ни шагу назадъ». И Суво-

ровъ самъ вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ въ первую линію, какъ былъ, въ рубашкѣ, держа за рукава накинутый китель. Онъ засталъ дѣйствительно войска Розенберга въ отступленіи и сталъ кричать: «Заманивайте, ребята, заманивайте, шибче... бѣгомъ»... Сдѣлавши такимъ образомъ вмѣстѣ съ отступавшими сотню—другую шаговъ, онъ скомандовалъ: «Стой!», поворотилъ батальонъ опять впередъ и самъ повелъ его на непріятеля, уже думавшаго, что дѣло кончено. И битва была выиграна. По отзыву извѣстнаго генерала Моро, дѣйствовавшаго тогда въ Италіи, маршъ Суворова къ Треббіи былъ «верхомъ военнаго искусства».

Еще блестящѣе была побѣда при Нови. Союзныхъ войскъ было тутъ больше, нежели французовъ; но зато послѣдніе занимали неприступную горную позицію, и выбить ихъ изъ нея казалось дѣломъ невозможнымъ, но Суворовъ сдѣлалъ невозможное. Какъ и при Треббіи, Суворовъ самъ водилъ въ атаку замявшіеся почему-нибудь батальоны, самъ объѣзжалъ всю боевую линію и постоянно ободрялъ войска. Не разъ положеніе союзниковъ бывало опаснымъ, не разъ атаки ихъ бывали отбиты непріятелемъ, упорно державшимся въ своей сильной, неприступной позиціи. Но къ ночи Суворовъ былъ уже побѣдителемъ, и французы не только отступили изъ своей неодолимой, казалось, позиціи, но и были обращены въ полное бѣгство. Впослѣдствіи тотъ же Моро на вопросъ о сраженіи при Нови отвѣчалъ такъ: «Что же можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ?»

Суворовъ умѣлъ обращаться не только съ побѣдою, но также и съ побѣжденными, съ мѣстнымъ населеніемъ. Итальянцы вездѣ устраивали русскому вождю тріумфаль-

ныя встрѣчи, восторженные пріемы. И это не было ни минутнымъ увлеченіемъ, ни тѣмъ менѣе расчетомъ для полученія расположенія побѣдителя. Дѣйствія и распоряженія Суворова внушали къ нему глубокую симпатію жителей. Раньше мы видѣли, какъ Суворовъ велъ себя въ отношеніи поляковъ или въ отношеніи уральскаго, кубанскаго населенія. Такъ дѣйствовалъ онъ и въ Италіи, выказывая полное вниманіе къ заявленіямъ, потребностямъ и стремленіямъ итальянцевъ. И въ данномъ случаѣ это было даже важнѣе, чѣмъ въ Польшѣ или на Уралѣ: это было не только средство для успокоенія жителей, для скорѣйшаго замиренія страны, но и средство для успѣшной борьбы съ французами. Только освободительныя стремленія на національной почвѣ могли дать европейской коалиціи побѣду надъ Французской республикой. Суворовъ понималъ это и дѣлалъ все, что̀ могъ въ этомъ направленіи, но ему постоянно и много мѣшала своекорыстная вѣнская политика, заботившаяся не объ общемъ дѣлѣ, а о новыхъ пріобрѣтеніяхъ для монархіи Габсбурговъ. При данныхъ условіяхъ система мягкаго и внимательнаго отношенія къ населенію получала двойную цѣну, и Суворовъ вполнѣ понималъ это, такъ что мы невольно удивляемся его политическому смыслу. Онъ предвидѣлъ необходимое направленіе европейской политики, осуществленное позднѣе Александромъ I. Ниже будутъ приведены слова его, не оставляющія никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи.

Побѣды Суворова привели къ очищенію Италіи отъ французовъ, его политика должна была укрѣпить достигнутое оружіемъ. Но дѣйствія и настоянія вѣнскаго кабинета заставили Суворова покинуть Италію раньше, чѣмъ совершонное имъ дѣло было упрочено. Австрійское правительство довольное, конечно, побѣдами Суворова, превзощед-

шаго всѣ надежды, на него возлагавшіяся, не было довольно тѣмъ, что Суворовъ оказался такимъ независимымъ и настойчивымъ не только въ военныхъ, но и въ политическихъ дѣлахъ. Оно постаралось удалить несговорчиваго фельдмаршала изъ Италіи, разсчитывая, что теперь и безъ него можетъ справиться съ итальянскими дѣлами и пожать въ свою пользу результаты суворовскихъ побѣдъ. Вѣнскій кабинетъ настаивалъ, чтобы Суворовъ перешелъ изъ Италіи въ Швейцарію для соединенія съ войсками Корсакова. Суворову такъ и пришлось сдѣлать противъ воли, когда австрійцы бросили Корсакова одного въ очень опасномъ положеніи.

Во время итальянской кампаніи уже сказывалось недоброжелательное отношеніе вѣнскаго кабинета къ Суворову: у послѣдняго было много основаній жаловаться на распоряженія изъ Вѣны, которыя во многомъ связывали его, мѣшали его дѣйствіямъ, иногда задерживая ихъ развитіе, иногда ставя армію прямо въ опасное положеніе. Въ своихъ письмахъ Суворовъ постоянно жалуется на гофкригсратъ и на «сову-Тугута». Дѣло доходило до того, что Суворовъ просилъ императора Павла объ отзывѣ изъ арміи. Еще больше пришлось страдать Суворову и русскимъ войскамъ отъ распоряженія австрійцевъ при походѣ черезъ Альпы. Походъ замедлился за недоставкой необходимыхъ средствъ передвиженія и запасовъ, и, несмотря на это промедленіе, все-таки доставленнаго было далеко недостаточно, и поэтому Суворову пришлось идти при дурной погодѣ, съ запасами, которыхъ не хватило, безъ необходимаго обоза. Промедленіе привело также къ тому, что французы успѣли занять на пути Суворова сильныя позиціи, и онъ шелъ въ горахъ, постоянно пробиваясь сквозь сильнаго непріятеля. Альпійскій походъ былъ наиболѣе

славнымъ и труднымъ подвигомъ Суворова,—исторія мало знаетъ страницъ, которыя бы говорили о военныхъ операціяхъ, совершонныхъ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, съ такимъ мужествомъ и искусствомъ, съ такимъ успѣхомъ. Казалось, что преступная австрійская нераспорядительность поставила Суворова въ безвыходное положеніе, и французы были увѣрены въ окончательной гибели всей русской арміи, готовили ей смерть и плѣнъ; но Суворовъ обратилъ это гибельное положеніе въ славный, безсмертный подвигъ, покрывшій и его, и его войска новыми, наиболѣе блестящими лаврами. Швейцарскій походъ показалъ, до какой степени выносливости и непреклоннаго мужества могутъ дойти войска, воспитанныя по-суворовски и предводимыя такимъ полководцемъ. Суворовъ переносилъ всѣ трудности похода наравнѣ со всѣми. Въ своемъ плащѣ, который солдаты прозвали «родительскимъ», онъ или ѣхалъ на казачьей лошади при войскахъ, или шелъ съ ними пѣшкомъ, постоянно являлся въ трудныхъ и опасныхъ мѣстахъ, воодушевлялъ всѣхъ своими мужественными словами и своими шутками. Онъ говаривалъ, что, гдѣ пройдетъ олень, тамъ долженъ пройти и солдатъ, и теперь на дѣлѣ доказалъ вѣрность этого положенія, проведя свою армію по такимъ мѣстамъ, гдѣ рѣдко бывали самые смѣлые охотники, гдѣ съ трудомъ карабкались горныя серны. Павелъ писалъ затѣмъ Суворову: «Побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ»...

По окончаніи изумительно труднаго перехода черезъ Альпы Суворовъ расположился на зимнія квартиры въ австрійскихъ владѣніяхъ; самъ онъ поселился въ Прагѣ. Слава его въ это время достигла своей высшей точки. Въ

Прагу стекались иностранцы, чтобы представиться герою итальянской и швейцарской кампаній или чтобы только поглядѣть на него. Онъ былъ предметомъ особаго вниманія со стороны многихъ коронованныхъ особъ, многихъ правительствъ: императоръ Павелъ осыпалъ его наградами. Еще въ началѣ итальянскаго похода Павелъ писалъ Суворову: «Освободите Италію отъ ига неистовыхъ ея разорителей, а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово». И онъ, восхищенный подвигами своего полководца, даровалъ ему высшія отличія, необычныя награды. Такъ, Суворовъ получилъ княжескій титулъ съ прозваніемъ Италійскаго (сардинскій король также возвелъ его въ княжеское достоинство съ титуломъ кузена короля); онъ получилъ званіе генералиссимуса («для другого это было бы много, а для Суворова еще мало»,—сказалъ Павелъ Ростопчину); военной коллегіи велѣно было сноситься съ Суворовымъ не указами, а отношеніями; повелѣно было, чтобы войска отдавали Суворову царскія почести, хотя бы въ присутствіи самого государя: «достойному достойное», писалъ Павелъ въ своемъ рескриптѣ. Для увѣковѣченія славы Суворова было повелѣно отлить его статую и поставить на одной изъ площадей Петербурга.

Недавній кончанскій изгнанникъ, просившійся за старостью и болѣзнями въ монастырь, такъ какъ ему не представлялось другого исхода и, казалось, онъ ни на что болѣе не нуженъ, не только былъ призванъ къ широкой военно-политической дѣятельности на европейской сценѣ, но и завоевалъ на ней себѣ новую славу, громкое имя въ исторіи военной, а въ данное время онъ сдѣлался самымъ популярнымъ, самымъ знаменитымъ человѣкомъ во всей Европѣ. У себя въ отечествѣ онъ получилъ высшія награды и, казалось, пріобрѣлъ всѣ права на благодарность Россіи. Но

этою перемѣною, этою славою, смѣнившею одиночество тяжелаго заточенія, не окончились превратности въ судьбѣ Суворова: превознесенный наградами, онъ неожиданно подпалъ вновь серьезной опалѣ.

Въ началѣ 1800 г. по Высочайшему повелѣнію русская армія двинулась въ предѣлы Россіи и перешла обратно черезъ границу въ мартѣ. Суворовъ ѣхалъ въ Петербургъ больной, съ большими остановками: но его поддерживали извѣстія о готовящемся для него тріумфѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ думалъ объ ожидающей его торжественной встрѣчѣ. Вдругъ вмѣсто отрадныхъ для него сообщеній изъ Петербурга дошло до него неожиданное извѣстіе о новой немилости, о новой опалѣ... Это былъ тяжелый ударъ для больного семидесятилѣтняго старца.

Еще раньше можно было замѣтить нѣкоторые признаки неудовольствія императора Павла на Суворова. Такъ, когда возникъ вопросъ о титулѣ, который долженъ быть связанъ съ пожалованнымъ Суворову княжескимъ достоинствомъ, Павелъ велѣлъ прекратить титулованіе свѣтлостью. Это очень удивило всѣхъ. 20-го марта на парадѣ при паролѣ объявлено было высочайшее повелѣніе: «Вопреки высочайше утвержденнаго устава, генералиссимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что и дается на замѣчаніе всей арміи». Такимъ образомъ, «побѣдоносцу Суворову», какъ именовался онъ на торжественныхъ молебствіяхъ, объявленъ публичный выговоръ за нарушеніе несущественной подробности устава. Надо прибавить, что Суворовъ еще передъ отправленіемъ въ Вѣну просилъ дозволенія государя на нѣкоторыя перемѣны въ войскахъ противъ уставовъ, и Павелъ милостиво на то согласился, сказавъ: «Веди войну

по-своему, какъ умѣешь»[1]). За выговоромъ послѣдовали другія, еще болѣе рѣзкія мѣры по отношенію къ Суворову. Всѣ торжества, готовившіяся въ Петербургѣ въ честь генералиссимуса, для встрѣчи побѣдителя, были отмѣнены; повелѣно было взять у Суворова всѣхъ адъютантовъ.

Причины этой новой опалы на Суворова до сихъ поръ не выяснены. Вопросъ о дежурномъ генералѣ слишкомъ ничтоженъ и долженъ быть признанъ лишь за поводъ для выраженія неудовольствія, не можетъ объяснить самой немилости. А. Ѳ. Петрушевскій считаетъ, что неожиданную опалу побѣдоноснаго и прославленнаго вождя можно объяснить только всѣмъ характеромъ Павла. По мнѣнію біографа генералиссимуса, причина новой опалы «заключается не въ поступкахъ Суворова, а въ духовной натурѣ императора Павла, и для выясненія ея требуется изслѣдованіе не столько историческое, сколько патологическое»[2]). Безспорно, въ этомъ дѣлѣ большую долю надо отнести именно на измѣнчивый и подозрительный характеръ императора Павла, но это не должно намъ мѣшать выяснять по-возможности тѣ обстоятельства, которыя могли возбудить въ данномъ случаѣ гнѣвъ Павла. Въ этомъ смыслѣ представляются интересными сопоставленія, которыя дѣлаетъ П. С. Лебедевъ въ упомянутомъ раньше изслѣдованіи «Преобразованія русскаго войска въ царствованіе императора Павла».

По мнѣнію автора, опала Суворова въ 1800 г. объясняется взглядомъ Павла на его уставы, которые онъ признавалъ безусловно отличными, въ нарушеніи которыхъ онъ видѣлъ притомъ духъ якобинизма. «Немилость къ Суворову покажется дѣломъ легкимъ, если узнаемъ пріемъ,

---

[1]) Петрушевскій, стр. 728 и 513.
[2]) Петрушевскій, стр. 739.

сдѣланный русской побѣдоносной арміи послѣ того, какъ вся Европа была полна славою ея подвиговъ. Можетъ быть, и для самого Павла I лавры русской арміи, побѣждавшей въ Италіи по указанію и руководству Суворова, были какъ бы укоромъ арміямъ Римскаго-Корсакова и Германа, дѣйствовавшихъ безъ малѣйшихъ отступленій отъ его уставовъ и правилъ». Отношеніе Павла къ войскамъ, возвращавшимся изъ славнаго заграничнаго похода, видно изъ такого указа, послѣдовавшаго 22-го марта 1800 г., т.-е. черезъ два дня по объявленіи выговора Суворову: «Его Величество съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ, по возвращающимся полкамъ, сколь мало господа инспекторы и шефы прилагали старанія къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ бы Императорскому Величеству было угодно, и слѣдственно видитъ, сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службы». Другой приказъ черезъ нѣсколько дней: «Его Императорское Величество, усмотря по пришедшему съ границы мушкатерскому Бороздина полку, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе, даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ, и видя противное всему данному Высочайшему повелѣнію, дѣлаетъ замѣчанія на общее лицо»[1]). Здѣсь невольно припоминается, что подобный же упрекъ насчетъ шага былъ сдѣланъ позднѣе оккупаціонному корпусу въ Мобежѣ, и тогда командовавшій корпусомъ гр. М. С. Воронцовъ отвѣчалъ, что это тотъ самый шагъ, которымъ русская армія дошла до Парижа.

Легко можно допустить, что гнѣвъ Павла противъ Суворова и противъ всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ его командой, основывался именно на подозрѣніяхъ въ распространеніи

---

[1]) *Русская Старина*, 1877 г., апрѣль, стр. 600—603.

среди этихъ войскъ французской заразы, и доказательство якобинства императоръ могъ видѣть въ нарушенiи данныхъ имъ военныхъ уставовъ. Весьма возможно также, что подобныя подозрѣнiя стояли въ связи съ доносами Фукса, на участiе котораго въ немилости, постигшей Суворова, намекаетъ гр. Милютинъ[1]).

Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Павелъ писалъ Суворову, приглашая его скорѣе прiѣхать въ Петербургъ—«на совѣтъ и на любовь», какъ говорилось въ рескриптѣ. Суворовъ и спѣшилъ, насколько позволяло здоровье, въ Петербургъ къ готовившейся торжественной встрѣчѣ. Теперь онъ въѣхалъ въ столицу совсѣмъ больной, тихо и незамѣтно, какъ всякiй путешественникъ, и не для трiумфа, а для мучительной агонiи послѣднихъ дней. Онъ остановился не во дворцѣ, а на квартирѣ у мужа своей племянницы, Хвостовой. Состоянiе Суворова было мучительное, но во все время онъ оставался вѣренъ себѣ и ничѣмъ не унизилъ своего характера на смертномъ одрѣ, сохранилъ его независимость, какъ раньше сохранялъ ее въ тяжкомъ одиночествѣ изгнанiя.

Суворовъ скончался 6-го мая 1800 года. На другой день послѣ его смерти Державинъ писалъ своему прiятелю Львову: «Герой нынѣшняго, а можетъ быть и многихъ вѣковъ, князь Италiйскiй съ такою же твердостью духа, какъ во многихъ сраженiяхъ встрѣчалъ смерть, вчерась въ три по полудни скончался. Говорятъ, хорошо, что это съ нимъ случилось. Подлинно, хорошо въ такой славѣ внѣ и въ такомъ неуваженiи внутрь окончить вѣкъ! Это истинная картина древняго великаго мужа. Вотъ урокъ, вотъ что есть человѣкъ!»[2]).

---

[1]) Томъ III, стр. 650—651.
[2]) Сочиненiя Державина, т. VI, стр. 106.

Похороны Суворова носили характеръ общаго, народнаго горя. «При послѣднемъ цѣлованіи,—писалъ тогда Евгеній Болховитиновъ,—никто не подходилъ безъ слезъ къ гробу... Всѣ плакали, только что не смѣли рыдать»...[1]).

Раньше была приведена интересная самохарактеристика Суворова въ письмѣ его къ Потемкину 1784 г. Здѣсь я приведу другую характеристику, которую самъ себѣ далъ Суворовъ въ концѣ 1799 г. Курфирстъ саксонскій прислалъ живописца Миллера въ Прагу написать портретъ Суворова. Послѣдній при первомъ сеансѣ сказалъ художнику: «Ваша кисть передастъ черты моего лица, но моя внутренняя человѣческая сущность скрыта. Долженъ вамъ сказать, что я пролилъ потоки крови; я содрагаюсь одного воспоминанія о томъ! И вѣдь я люблю своихъ ближнихъ. Во всю жизнь я не слѣдалъ несчастнымъ ни одного человѣка, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не убилъ ни одного насѣкомаго... Подымала ли меня волна счастья или бросала въ пучину, я уповалъ на Бога, какъ и теперь надѣюсь на Его милость»...[2]).

Въ заключеніе приведу еще другой разговоръ Суворова за время того же пребыванія въ Прагѣ. Этотъ разговоръ покажетъ намъ поразительную вѣрность пониманія Суворовымъ политическихъ обстоятельствъ и хода событій, покажетъ намъ его высокое общее гуманное настроеніе.

Въ числѣ иностранцевъ, стекавшихся въ Прагу для того, чтобы видѣть Суворова, находился шведъ Густавъ-Маврикій Армфельдтъ. Онъ оставилъ въ своихъ запискахъ интересныя подробности о Суворовѣ и между прочимъ привелъ слѣдующія слова его. Однажды послѣ обѣда Суворовъ сказалъ

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1870 г., стр. 779.

[2]) *Русская Старина*, 1875 г., май.—Тотъ же разсказъ въ Собраніи сочиненій Фукса, стр. 135—137.

своимъ гостямъ: «Господа, нѣтъ, не деньги Англіи, не штыки русскихъ, ни кавалерія и тактика австрійцевъ, ни Суворовъ приведутъ все въ порядокъ и одержатъ тѣ побѣды, которыя приведутъ къ желаннымъ результатамъ; нѣтъ, полное безкорыстіе политическихъ дѣйствій, довѣрчивость, честь и лояльное поведеніе, завоевывающее сердца,—вотъ посредствомъ чего все будетъ сдѣлано»...

Книгоиздательство „Задруга“.

Москва, Малая Никитская, д. 29, кв. 6.

Популярныя и народныя изданія.

(Для библіотекъ средней и народной школы).

Волкова, Е. **Другъ рабочихъ.** (Исторический очеркъ изъ жизни и дѣятельности Р. Оуена). Съ иллюстраціями. Ц. 15 к.

Вѣтринскій, Ч. **Освобожденіе крестьянъ и русскіе писатели.** Съ иллюстр. Удост. преміи по конк. Моск. Общ. Грам. Ц. 30 к.

Кабановъ, А. **Смута Московскаго государства.** *Редакція В. Н. Бочкарева* (Историч. Комис. Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.). 4-е изданіе. Ц. 7 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущена въ библіотеки начальныхъ училищъ.

Коровинъ, В. **Вуколка и Николка.** Разсказъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Съ рисунками. 32 стр. Ц. 15 к., въ папкѣ 25к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущена въ ученич. библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Кн. Г. Е. Львовъ и *Т. И. Полнеръ.* **Наше земство и его работа за 50 лѣтъ.** Ц. 12 к.

Огановскій, Н. П. **Надѣленіе землей помѣщичьихъ крестьянъ.** Удост. преміи Моск. Общ. Грамотности по конкурсу въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Ц. 35 к.

Сивковъ, К. В. **Великая европейская война сто лѣтъ назадъ и теперь.** Ц. 8 к.

Отечественная война. Историческій очеркъ, составленный *Н. П. Теплыхъ.* Съ рисунками. Редакція И. М. Катаева (Историч. Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.). Изданіе 2-е. 65 стр. Ц. 20 к.

Первое и второе «Утро», посвященное Отечественной войнѣ. Редакція *Н. Л. Бродскаго* (Историч. Комис. Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.). Сборникъ отрывковъ для чтенія въ низшихъ и городскихъ школахъ. Съ иллюстраціями. 64 стр. Ц. по 10 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущена въ ученич. библіотеки городскихъ училищъ.

Эркманъ-Шатріанъ. **Исторія новобранца 1813 г.** Историческая повѣсть. Сокращенный переводъ съ французскаго В. Керженцева. Съ иллюстраціями. 120 стр. Ц. 25 к.

— **Конецъ Наполеона.** Сокращ. переводъ В. Керженцева. Съ рисунками. Ц. 25 к.

Цѣна 40 коп.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

